

CoRpus

РУЧИР ШАРМА ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ

СИЛЫ ПЕРЕМЕН В ПОСТКРИЗИСНОМ МИРЕ

Просто-напросто
лучший путеводитель
по современной
мировой экономике.

ФАРИД ЗАКАРИЯ

FORCES OF CHANGE IN THE POST-CRISIS WORLD THE RISE AND FALL OF NATIONS RUCHIR SHARMA

Ручир Шарма

**Взлеты и падения
государств. Силы перемен
в посткризисном мире**

«Corpus (ACT)»

2016

УДК 330
ББК 65

Шарма Р.

Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире
/ Р. Шарма — «Corpus (АСТ)», 2016

Ручир Шарма, разработчик инвестиционной политики компании Morgan Stanley, рассматривает экономическое развитие разных стран весьма прагматично: ему важно знать, в какие страны стоит вкладывать средства, а в какие – нет. Двадцатипятилетний опыт деятельности в сфере инвестиций и анализ статистических данных из истории почти двухсот стран за период с 1960 года позволили автору выработать десять конкретных правил для оценки экономических перспектив государств. Сопоставляя темпы роста народонаселения, инфляции, ВВП и другие основные показатели, он делает краткосрочные прогнозы. И, судя по процветанию Morgan Stanley, они сбываются.

УДК 330
ББК 65

© Шарма Р., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Пролог	6
Введение	9
Глава 1	22
Глава 2	43
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70
Комментарии	

Ручир Шарма
Взлеты и падения государств. Силы
перемен в посткризисном мире

© Ruchir Sharma, 2016. All rights reserved

© Н. Шахова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Пролог

В диких условиях¹

Вот уже четверть века я каждый год езжу на сафари – то в Индию, то в Африку. В одной из африканских поездок я услышал легенду о короле, который отправил сына познавать музыку джунглей. В первый раз на фоне оглушительного жужжания насекомых и гомона птиц юный принц сумел расслышать только львиный рык и трубный рев слонов. Но юноша уходил в джунгли снова и снова и постепенно начал различать менее громкие звуки. Наконец он стал слышать шорох ползущей змеи и шелест крыльев бабочки. Но король повелел сыну отправляться в джунгли до тех пор, пока тот не научится улавливать опасность в неподвижности и надежду в утренней заре. Чтобы удостоиться королевского сана, принц должен был уметь слышать беззвучное.

Хотя ритмы джунглей и далеки от ритмов Нью-Йорка, моей среды обитания, эта древняя африканская легенда хорошо применима к миру, искореженному глобальным кризисом 2008 года. Кризис перевернул мир вверх дном, нарушив торговые и денежные потоки, дав толчок политическим волнениям и замедлив рост мировой экономики; пейзаж чудовищно изменился, и стало еще труднее понять, каким государствам суждено взлететь, а каким упасть. Эта книга о том, как, пропуская мимо ушей посторонние звуки и назойливую шумиху, уловить четкие признаки грядущего подъема и падения государств. Это попытка открыть пройденный принцем путь познания всем, кого интересует глобальная экономика.

Обитатели финансового мира зачастую кажутся себе хищниками семейства кошачьих, чуткими к шорохам экономических джунглей. Но в Африке видишь, что между кошачьими и всеми остальными нет особой разницы. Каждый год более миллиона антилоп гну преодолевают почти две тысячи миль по долинам Мары и Серенгети в Кении и Танзании, совершая один и тот же цикл на протяжении жизни многих поколений. Эти несуразные гну вместе с зебрами и газелями кочуют вслед за дождями, а за ними следуют львы, леопарды и гепарды.

Казалось бы, игра идет в одни ворота, но это не так. Львы движутся довольно медленно и быстро выдыхаются, поэтому достигают свою добычу реже, чем в одном случае из пяти. Гепарды проворнее, зато они меньше и часто охотятся в одиночку, поэтому часть добычи вынуждены уступать падальщикам, объединенным в стаи. Едва ли хоть один из десяти гепардов живет дольше года. У львов дела чуть получше, но многие молодые львы погибают в территориальных боях с другими самцами. Перед хищниками вопрос жизни и смерти стоит не менее остро, чем перед теми, кого они преследуют. Тем, кто метит во львы глобальной экономики, стоит об этом задуматься.

Страх за свое существование преследует меня с тех самых пор, как я вступил в эти джунгли. Я занялся инвестированием в двадцать с небольшим, в середине 1990-х, когда Соединенные Штаты процветали, а развивающиеся государства еще казались дикими и экзотичными. Финансовые кризисы проносились по всему миру, от Мексики до Таиланда и России, порождая болезненные рецессии и тасуя ряды развивающихся экономик и мировых лидеров. Сопутствующие им разрушения вывели с глобальных рынков немало крупных инвесторов, включая многих моих учителей, коллег и друзей.

Оглядываясь назад, видишь, что пути национальных лидеров (и глобальных инвесторов) подчиняются устойчивой закономерности: они начинают идти по дороге, ведущей к экономическому или финансовому успеху, а потом дорога резко сворачивает и заводит в зыбучие пески.

¹ «В диких условиях» (*Into the Wild*) – фильм Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 году (прим. перев.).

Так было в 1990-е во время кризисов развивающихся стран, в 2000–2001-м – во время кризиса из-за лопнувшего на рынке высоких технологий пузыря, и снова – в 2008-м. Каждый раз, следуя привычкам, сложившимся в хорошие времена, люди теряли бдительность, и их поглощала разверзшаяся под ногами бездна.

Циклические качания рынка – от эйфории до отчаяния и обратно – принято объяснять “стадным поведением”, но даже в реальных джунглях жизнь оказывается сложнее. Антилопами гну руководит определенный “коллективный интеллект”, который обеспечивает выживание сообщества ценой ранней гибели многих индивидуумов. Круговую миграцию антилоп высмеивает старая поговорка: “Трава всегда зеленее в других краях”, но на самом деле стадо ведет себя мудро, четко понимая, где трава будет зеленее. Оно идет за дождем: весной – на север, в Кению, а осенью – обратно на юг, в Танзанию.

При этом два раза в год антилоп подстерегают серьезные опасности при переправе через реку Мара, которую приходится форсировать и на пути на юг, и на пути на север. В обычное время стадо избегает хищников благодаря древней системе сигнализации – воплям бабуинов и пронзительным крикам птиц. Но на берегу Мары система не срабатывает: здесь скапливаются десятки тысяч антилоп, а опасности находятся в пределах видимости: в бурных ливневых потоках легко утонуть или оказаться в пасти крокодила, а на другом берегу преодолевших реку поджидают львы.

Антилопы стоят, опустив головы и оглашая окрестности ревом; кажется, что все они говорят разом, как аналитики с Уолл-стрит, планирующие свои действия во время видеоконференции. Стадо ждет, пока кто-нибудь рискнет двинуться с места. Вот одна антилопа шагнула вперед и отступила – и страх парализует всех. Но память коротка, через пару минут будет другая попытка, и если антилопа бросится в воду, остальные последуют ее примеру. Многие тут же попадут в разинутые пасти или смертельные водовороты. Подсчитано, что ежегодно гибнет десять процентов популяции антилоп гну, значительная часть – именно на переправе.

Работая на глобальных рынках от Нью-Йорка до Гонконга, привыкаешь находиться в непрерывном движении, как антилопы гну. Каждый день отчеты аналитиков будоражат финансовые столицы, призывая массы то к погоне за Великой прибылью, то к побегу от Великой коррекции. Примерно раз в квартал тяга к движению порождает очередной консенсус – тенденция, усилившаяся после глобального финансового кризиса. Возьмем, к примеру, 2015-й. В первом квартале только и было разговору о пульсирующем рынке китайских акций: нужно было то в него нырнуть, то из него вынырнуть; в каждый момент ситуация представлялась однозначной. Во втором квартале все крутилось вокруг Греции: казалось, она погубит мировую экономику; а в третьем квартале все говорили только о финансовой панике в Китае. Аналитики иногда правы, иногда ошибаются, но это не мешает им двигаться дальше, забывая о том, что и почему они говорили накануне. Иной раз смена ориентиров происходит совершенно с бухты-барахты.

На Уолл-стрит в ходу избитые фразы о том, что выживают только параноики и самые приспособленные. Я бы сформулировал это иначе: важно суметь поставить мудрую паранойю на службу выживанию. Каждый кризис воспринимается как новый призыв к действиям, и чем сильнее кризис, тем неистовее реакция. Спустя годы после 2008-го страх перед новыми большими потерями все еще столь велик, что крупнейшие игроки Уолл-стрит норовят подводить баланс ежемесячно, а не ежегодно, что заставляет брокеров непрерывно торговать в надежде избежать даже одного-единственного плохого месяца. Хотя, судя по опыту, сейчас в выигрыше скорее окажутся те, кто торгует меньше, – действительно, как выразился один острослов, “ленивым быть выгодно”.

Летом 2014-го, уже побывав на многих сафари, я впервые увидел, как большая кошка настигает свою добычу. Дело было в Танзании. Однажды вечером мы с друзьями наткнулись на гепарда, который тяжело дышал после (как рассказал нам проводник) двух неудачных погонь того дня. Следующие пару часов гепард выжидал в укрытии, пока восстановится дыхание,

наступят сумерки и ветер сменит направление так, чтобы запах хищника не доносился до одинокого самца газели. Когда все это сложилось, гепард начал красться – очень медленно, низко пригибаясь к земле, чтобы скрыться за невысокой травой саванны. Оказавшись ярдах в пятидесяти от своей жертвы, он рванул со скоростью шестьдесят миль в час и молниеносным зигзагообразным броском прижал газель к земле.

Предшествовавшая стремительному рывку неподвижность была выразительнее, чем сам рывок. Большие кошки приспособлены выживать за счет сбережения энергии; тратить ее в постоянном движении они не готовы. Львов чаще всего видят спящими: они спят по восемнадцать-двадцать часов в день. После удачной охоты кошачьи стараются не тратить лишнюю энергию на схватки из-за еды. И циклические перемены погоды не повергают их в панику. Я видел, как во время яростных послеобеденных ливней, которые обрушиваются на кенийские долины Масаи-Мары, дикие животные замирают как вкопанные – хищники на расстоянии рывка от своей добычи, – пока потоп не кончится. Кажется, они инстинктивно понимают, что ливень – всего лишь краткий эпизод в нормальном течении жизни и что паника только увеличит хаос.

В джунглях успешно выживают многие, и не только большие кошки. Самая мощная защита у гигантских вегетарианцев – слонов и носорогов. Даже прайд львов редко нападает на семитонного слона с шестифутовыми бивнями. Самые чуткие – антилопы гну с их сетями бабуинов и птиц. Лучшие охотники, вероятно, гиены: хоть их и принято считать падальщиками, крадущими чужую добычу, гиены – одни из самых успешных крупных хищников. В отличие от кошачьих, гиены выносливы, могут догнать практически любое животное и не ограничивают свой рацион старыми и больными особями. Двигаясь стаями, насчитывающими до шестидесяти особей, гиены никого не боятся. В долине Серенгети я видел однажды, как прайд львов уступил свою добычу стае из двадцати настойчивых гиен.

Еще на заре своей карьеры я на собственном болезненном опыте усвоил: хочешь продержаться не один пятилетний политический и экономический цикл из тех, что сотрясают глобальную экономику, – следуй определенным законам джунглей. Не трать энергию на ежедневные или ежеквартальные скачки в показателях. Адаптируйся к изменяющемуся ландшафту – не позволяй своей гордыне заслонять путь к стратегическому отступлению. Следи за основными трендами и ищи пересечения. Создавай систему поиска важных признаков перемен даже тогда, когда все вокруг блаженно плывет по течению. За последние четверть века я вложил массу усилий именно в это: в разработку правил, которые позволяют предсказывать грядущие перемены в экономических условиях.

Выживание государств в мировой экономике подчиняется тем же правилам, что и выживание в дикой природе или на Уолл-стрит. Нет единого образца для подражания. Все государства в равной степени подвержены циклам взлетов и падений, кладущих конец большинству периодов бурного экономического роста и превращающих стремительного гепарда в обессиленную кошку. Волны кризиса, последовавшие за глобальным крахом 2008-го, искорежили множество экономик – слабых и сильных, развитых и развивающихся. Следуя устойчивым закономерностям экономического развития, новые звезды новой эры, скорее всего, возникнут из тех государств, которыми сейчас пренебрегают как падальщиками и медлительными вегетарианцами и подъем которых начинается без особой шумихи. Каждый, кто хочет разобраться в подъемах и падениях государств, должен усвоить: глобальная экономика – это грохочущие джунгли; резкие взлеты, падения и противоречия – часть их нормальной жизни. Далее излагается мое пособие по выявлению десяти красноречивых (пусть и беззвучных) признаков серьезных поворотов – к лучшему или худшему.

Введение

Непостоянство

Вдокризисную эпоху – годы, предшествовавшие кризису 2008-го, – мир наслаждался невиданным экономическим бумом, охватившим территории от Чикаго до Чунцина. Хотя бум продолжался всего четыре года и имел довольно шаткие основания, многие расценивали его как начало золотого века глобализации. Казалось, потоки денег, товаров, людей будут вечно расти с рекордной скоростью, повышая уровень благосостояния по всему миру. Все больше бедных государств пополнит ряды богатых. Все больше граждан этих государств вырвутся из бедности и смогут зарабатывать на достойное существование, сокращая разрыв между одним процентом населения и остальными. Повсеместный рост и укрепление среднего класса заставит диктаторов ослабить цензуру, провести настоящие выборы и открыть новые возможности. Рост благосостояния повлечет за собой политические свободы и демократию, а те, в свою очередь, – еще большее процветание.

Потом грянул 2008 год. Докризисная эпоха уступила место посткризисной. На смену ожиданиям золотого века пришла новая реальность. Восторги по поводу глобализации сменились ропотом о необходимости деглобализации. Общая картина сложна и противоречива, потому что не все традиционно связываемые с глобализацией потоки замедлились или пошли вспять. Например, поток информации, измеряемый интернет-трафиком, продолжает расти. Резко возросли потоки туристов и авиапассажиров. Зато поток экономических мигрантов, перемещающихся из бедных стран в богатые, уменьшился, несмотря на яростные столкновения, произошедшие в 2015-м по поводу беженцев-мусульман из Сирии и Ирака. А международные потоки капиталов вместе с международной торговлей товарами и услугами – то, что самым непосредственным образом влияет на экономический рост, – значительно замедлились.

Государства сделали упор на внутреннюю экономику, восстанавливая торговые барьеры и отгораживаясь от соседей. В 2010-х, впервые после 1980-х, международная торговля росла медленнее, чем глобальная экономика. Крупные международные банки, опасаясь давать ссуды за рубежом, отступили внутрь родных границ. После тридцати с лишним лет бурного роста потоки капитала достигли в 2007-м исторического максимума в 9 триллионов долларов² и 16 % от мировой экономики, а затем упали до 1,2 триллиона и 2 % – той же доли, что и в 1980-м.

Когда денежные потоки иссякают и объем торговли падает, то же происходит и с экономическим ростом. В национальных экономиках рецессия – нередкое явление, но, поскольку где-нибудь в мире всегда есть быстрорастущие государства, глобальная экономика в целом сокращается редко. Поэтому Международный валютный фонд определяет глобальную рецессию не в терминах отрицательного роста ВВП, а в терминах падения роста доходов, сокращения рабочих мест и других факторов, из-за которых мир чувствует себя в объятиях рецессии. По данным МВФ, таких периодов было четыре: в середине 1970-х, в начале 1980-х, в начале 1990-х и в 2008–2009 годах. Во всех четырех случаях темпы роста глобального ВВП упали ниже 2 %, при том что долгое время они составляли 3,5 %³. Глобальный рост упал ниже 2 % и в 2001 году, когда в США лопнул пузырь на рынке высоких технологий. Таким образом, с практической точки зрения можно сказать, что с 1970 года произошло пять мировых рецессий, и объединяет их одно: все они начались в США.

Однако следующая глобальная рецессия, похоже, будет “сделана в Китае”. За последние годы Китай превратился во вторую по размеру экономику мира; он вносит самый большой

² Всюду в книге под долларами, если не оговорено иное, понимаются доллары США (*прим. перев.*).

³ Рост глобального ВВП здесь вычисляется на основе рыночных обменных курсов.

вклад в ежегодный рост глобального ВВП. В 2015 году из-за замедления роста китайской экономики глобальная экономика росла всего лишь со скоростью 2,5 % и к концу году балансировала на грани очередной рецессии. Спад в Китае особенно сильно ударил по другим развивающимся странам. Если исключить Поднебесную, то остальные развивающиеся экономики растут со скоростью чуть выше 2 %, то есть медленнее, чем гораздо более богатая экономика США. Среднедушевой доход в этих бедных и средних странах больше не догоняет показатель ведущей экономики мира. Развивающиеся экономики – от Бразилии до ЮАР – спускаются вниз по лестнице развития. Ощущение открывшихся возможностей, возникшее на фоне глобального процветания, сменилось сварой из-за поиска ниши для выживания.

Мировой порядок нарушился. Надежда, что процветание породит свободу и демократию, тоже не оправдалась. По данным организации *Freedom House*, начиная с 2006 года число стран, в которых происходит ограничение политических свобод, ежегодно превосходит число стран, где наблюдается их расширение. В целом за последние десять лет 110 стран (более половины стран мира) испытали некоторое ограничение свобод^[1]. Значительного изменения числа демократических стран не произошло, но репрессии усиливаются даже в таких странах, как Россия, которые поддерживают видимость выборов. Мало кто продолжает утверждать, что в Китае процветание приведет к демократии. Отмечается, напротив, что возникает новая и все более агрессивная форма авторитаризма: вслед за Россией и Китаем целый ряд режимов отрицает демократию как универсальную ценность и защищает мягкие формы политических репрессий как выражение уникальной национальной культуры.

Серьезный удар по глобальному процветанию и политическому спокойствию был нанесен примерно в 2010-м, когда замедление экономического роста распространилось с США и Европы на развивающиеся страны. В предыдущее десятилетие мир сталкивался в среднем с четырнадцатью эпизодами крупных социальных потрясений в год, но после 2010-го это число подскочило до двадцати двух. Движущей силой во многих случаях было растущее недовольство среднего класса, вызванное ростом неравенства и стареющими режимами, погрязшими в комфортный докризисный период в коррупции и самодовольстве.

Первые серьезные волнения возникли в ходе “арабской весны”, когда протесты, вызванные ростом цен на продовольствие, породили надежду, что на Ближнем Востоке могут возникнуть новые демократические государства. Эта надежда была похоронена с возвращением диктатуры в Египте и возникновением гражданских войн на территории Ливии и Сирии. К 2011-му волнения охватили более крупные развивающиеся государства. Они были вызваны экономическими неурядицами, усугубленными глобальным спадом: инфляцией в Индии, политическим кумовством в России, неудовлетворительными зарплатами и условиями труда в ЮАР. Кульминация произошла летом 2013-го, когда миллионы людей вышли на демонстрации в городах Бразилии и Турции – стран, еще недавно демонстрировавших бурный рост экономики.

Американский драматург Артур Миллер однажды сказал, что эпоха подходит к концу, “когда исчерпались ее основные иллюзии”^[2]. Сегодня иллюзии докризисной эры о воцаряющемся повсеместно экономическом благополучии полностью исчерпали себя. Последней умерла надежда, что бурный расцвет Китая будет продолжаться вечно, приводя к подъему другие страны – от России до Бразилии и от Венесуэлы до Нигерии, – преуспевание которых было вызвано в основном экспортом товаров китайцам. Предполагалось, что постоянно растущий китайский спрос породит “суперцикл” растущих цен на сырьевые товары и вызовет подъем благосостояния всюду – от Москвы до Лагоса. Такой ход событий стал казаться не слишком правдоподобным к 2011-му, когда начали снижаться цены на медь и сталь, а в конце 2014-го, когда цены на нефть за несколько месяцев упали более чем наполовину, окончательно ушел в сферу несбыточного.

Непостоянство глобальных трендов лучше всего иллюстрирует судьба государств, вызвавших такой фурор в 2000-е: Бразилии, России, Индии и Китая. Маркетологи объединили

их акронимом БРИК; предполагалось, что этим четверем гигантам предстоит доминировать в глобальной экономике. Теперь же этот акроним часто снабжается эпитетами вроде *разбитый* или *рассыпающийся*, расшифровывается как “безумно разорительная инвестиционная концепция” или перетасовывается в акроним КРАБ, чтобы показать, как нелепо смотрятся теперь Китай, Россия и Бразилия. В посткризисную эру годовой рост ВВП в Китае упал с 14 % до (согласно некоторым оценкам) менее 5 %, в России – с 7 % до минус двух, а в Бразилии – с 4 % до минус трех^[3]. Из всех членов БРИК только у Индии сохраняются – пусть минимальные – шансы, что ее 2010-е годы по темпам роста хотя бы отдаленно напомнят 2000-е.

Посткризисная эра воспринимается особенно болезненно из-за эйфории предшествовавшего ей бума и из-за того, что лишь немногие наблюдатели предвидели кризис. Мир жил в преддверии бесконечного блаженства, а вместо этого настали тяжелые времена. Мир рассчитывал на растущий спрос со стороны процветающего среднего класса, а вместо этого столкнулся с падающим во многих странах спросом со стороны возмущенного среднего класса. Стандартные опасения инфляции уступили место страху перед дефляцией, падающими ценами, что в некоторых случаях еще опаснее для экономического роста.

Модные персонажи докризисной эры ушли в забвение. В связи с тем, что денежные потоки иссякли или повернули вспять, валюты развивающихся стран значительно ослабели. С тех пор как в 1978 году стали регистрировать международные денежные потоки, в развивающийся мир ежегодно вливались капиталы. Первый отток произошел в 2014-м, а в 2015-м случился прорыв плотины – отток составил 700 млрд долларов. Внезапная потеря развивающимися странами этих финансовых ресурсов осложняет выплату их внешних долгов. Многие такие страны, усердно трудившиеся, чтобы выбраться из долговой ямы, снова в нее свалились. На пике докризисного бума в 2005 году МВФ не провел ни одной спасательной операции и, казалось, был готов свернуть свою деятельность по выдаче экстренных ссуд, но в 2009-м ее пришлось возобновить в увеличенном объеме. С тех пор МВФ запускает по десять-пятнадцать новых программ помощи ежегодно для стран от Греции до Ямайки.

В посткризисную эру пришло более широкое осознание опасностей, грозящих экономическому росту. Начавшийся в 2009-м подъем глобальной экономики станет, по-видимому, самым скромным за период после Второй мировой войны. В 2007-м, перед самым началом финансового кризиса, темпы роста замедлялись лишь в одном из двадцати развивающихся государств. К 2013-му соотношение составляло уже четыре из пяти, причем этот синхронный спад продолжался уже третий год подряд – дольше всего в новейшей истории. Он длился дольше, чем падение темпов роста в развивающемся мире в 1994 году после кризиса мексиканского песо, или после азиатского финансового кризиса 1998 года, или после того как в 2001 году лопнул пузырь на рынке высоких технологий, или даже после кризиса 2008-го^[4]. По мере углубления застоя привычный поиск очередной звезды развивающегося мира уступает место осознанию: экономический рост не является непреложной закономерностью. Крупнейшие регионы мира, включая Византийскую империю и Европу времен до промышленной революции, прошли через периоды практически полного отсутствия экономического роста, продолжавшиеся столетия.

Специалисты *Goldman Sachs* изучили статистику за последние сто пятьдесят лет и выделили страны, в которых экономический рост в течение долгого времени был ниже среднего, а среднедушевой доход снижался относительно других стран той же категории. Они обнаружили девяносто таких периодов стагнации продолжительностью не менее шести лет каждый, в том числе двадцать шесть затянувшихся дольше чем на десять лет. Такие спады наблюдались в Германии в 1860-е и 1870-е, в Японии в 1990-е и во Франции в 2000-е. Самый долгий период стагнации (23 года) начался в Индии в 1930-м, второй по продолжительности (22 года) – в ЮАР в 1982-м. Эти периоды стагнации не так известны и не так хорошо изучены, как послевоенные десятилетия бурного роста азиатских стран, благодаря которым Япония (до 1990-го)

и некоторые ее соседи перешли в категорию богатых государств. Однако стагнация встречается по меньшей мере так же часто, как бурный рост, и имеет, пожалуй, больше отношения к посткризисной эре.

Важно понимать, что даже бизнес-циклы не обеспечивают возрождения государств предсказуемым, линейным образом. Если развал экономики превышает определенные масштабы, она может потерять способность к самовосстановлению. Например, обычно рецессия увеличивает уровень безработицы и снижает уровень зарплат, что в итоге ведет к новому циклу найма и восстановления. Однако слишком долгая и глубокая рецессия может привести к потере трудовыми ресурсами навыков, к многочисленным банкротствам и уничтожению промышленных мощностей, что вызовет еще более длительный спад. Такую опасность принято называть “гистерезисом” – когда медленный или негативный рост порождает не восстановление, а еще более медленный рост. В застойную посткризисную эру возник страх, что некоторые государства так и застрянут в этом состоянии.

Зыбкая и сложная природа устойчивого роста теперь очевидна и вызывает простой вопрос. Как в этом непостоянном мире предугадать, какие государства, скорее всего, пойдут на подъем, а какие – на спад? Каковы важнейшие признаки грядущих перемен в государстве и как эти признаки заметить? Чтобы помочь ориентироваться в этом полном противоречий мире, подверженном подъемам и спадам, в этой книге приведены десять правил, позволяющих проверить, находится ли государство на подъеме, на спаде или просто плетется кое-как. Вместе эти правила работают как система предсказания перемен. Они в большей степени применимы к развивающимся государствам, отчасти потому что там слабее развиты экономические и политические институты, что делает такие страны более уязвимыми для политических и финансовых волнений. Однако далее я покажу, что применение многих из этих правил к развитым странам тоже может оказаться полезным.

Распознавание закономерностей: на каких принципах основаны правила

В основе всех правил лежит несколько базовых принципов. Первый принцип – непостоянство. На пике бума 2000-х множество глобальных факторов – льющиеся рекой из банков Запада “легкие деньги”, взметнувшиеся ввысь цены сырьевых товаров, расцвет мировой торговли – удвоили скорость роста развивающихся экономик. Масштаб подъема был беспрецедентным: к 2007 году число стран, растущих со скоростью более 5 %, достигло сотни, то есть в пять раз превысило послевоенную норму, – но составители прогнозов сочли этот аномальный всплеск поворотным пунктом. Экстраполируя существовавшие тренды, они пришли к выводу, что если все бурно растущие экономики продолжат свой бурный рост, вскоре многие развивающиеся страны по среднему душевому доходу сравняются с развитыми странами или по крайней мере приблизятся к ним – этот процесс назвали “конвергенцией”.

Такое прямолинейное прогнозирование едва ли можно считать чем-то новым. В 1960-х Манила выиграла право разместить у себя штаб-квартиру Азиатского банка развития (АБР), отчасти благодаря предположению, что быстрый рост Филиппин делает страну будущим лидером Азии. К следующему десятилетию рост – в условиях диктатуры Фердинанда Маркоса – застопорился, но штаб-квартира АБР навсегда осталась в Маниле. В 1970-е аналогичные упражнения в экстраполяции привели некоторых американских ученых и аналитиков спецслужб к выводу, что советская экономика станет крупнейшей в мире. А вместо этого она к концу 1980-х развалилась. К тому времени лидером следующего столетия была объявлена Япония, но и этой экономической звезде было суждено вскоре закатиться.

Все это не помешало очередному всплеску энтузиазма в начале 2000-х, на этот раз по поводу БРИК или БРИКС (С – от первой буквы английского названия ЮАР, которую иногда включают в эту группу) и суперцикла сырьевых товаров. Пик шумихи пришелся примерно на

2010-й, как раз тогда, когда процесс уже начал сворачивать на традиционные рельсы: за десятилетним подъемом цен на сырьевые товары, как правило, следует двадцатилетнее падение. Сегодня представление об этих государствах как о региональных экономических тягачах стало далеким воспоминанием.

Из принципа непостоянства мира вытекает второй принцип: никогда не предсказывать экономические тренды на слишком отдаленное будущее. Глобализационные тренды приходят и уходят со времен Чингисхана, в XII веке наладившего торговлю по Великому шелковому пути, а формирующие экономический рост циклы бизнеса, технологий и политики коротки – в среднем около пяти лет. Электоральный цикл тоже в среднем составляет пять лет и может ввести в игру лидеров-реформаторов, способных подхлестнуть стагнирующие экономики. В результате любой прогноз, рассчитанный более чем на один-два цикла (пять – максимум десять лет), скорее всего, не сбудется. По этой же причине нелепыми кажутся модные разговоры о грядущем азиатском (или даже африканском) веке.

Одна из задач этой книги – перевести разговор о мировой экономике с неопределенного будущего в более практичные рамки пяти-десяти лет и сосредоточиться на прогнозировании грядущих подъемов, провалов и возможных политических волнений. Предсказания на следующие 20–100 лет не могут оправдаться в принципе, поскольку новые экономические конкуренты могут появиться за пять лет, как это было с Китаем в начале 1980-х, Восточной Европой в 1990-е и значительной частью Африки – в 2000-е. Точно так же за пять лет практически из ниоткуда может выскочить новая технология, как в 1990-е появился интернет, а сейчас появляются новые цифровые технологии производства – вроде 3D-печати. В послевоенное время даже двадцать восемь самых долгих периодов “сверхбыстрого” роста – когда подушевой ВВП рос быстрее 6 % в год – длились в среднем менее десяти лет^[5]. Поэтому чем дольше длится рост, тем менее вероятно, что он еще продолжится. Когда такая страна, как Япония, Китай или Индия, интенсивно растет в течение десятилетия, аналитиков должны интересовать не причины, по которым рост будет продолжаться, а момент, когда он прекратится.

Распространенная вера в то, что хорошие времена продлятся вечно, подкрепляется феноменом так называемой “якорной смещенности”: разговоры тяготеют к той точке (якорю), с которой начались. В 2000-е анализ глобальной экономической конкуренции привел некоторых к убеждению, что двузначный годовой рост ВВП – нормальное явление для Китая и что рост свыше 7 % – норма для развивающихся стран. Эти сверхвысокие темпы роста были беспрецедентны, но стали точкой отсчета (якорем). В 2010 году мысль о том, что развивающийся мир ждет скорое падение средних темпов роста до 4 %, была настолько ниже якоря, что казалась немыслимой, хотя 4 % – это средний показатель для развивающихся государств в послевоенное время. Вообще говоря, при выборе правильной точки отсчета для любого прогноза надо вернуться назад до тех пор, пока не наткнешься на надежные данные; это позволит выявить закономерность, наиболее обоснованную исторически. Описанные в этой книге закономерности взлетов и падений основаны на моих собственных исследованиях, опирающихся на базу данных по пятидесяти шести развивающимся странам послевоенного мира, которые смогли поддерживать рост в 6 % на протяжении как минимум десятилетия.

Привычка привязываться к плохо выбранному и неправдоподобному якорю усугубляется феноменом, известным как “предвзятость подтверждения”, – стремлением отбирать только информацию, подтверждающую ваше мнение. Во времена безудержного оптимизма 2000-х в мире господствовала предвзятость подтверждения в отношении радужных перспектив БРИКС, но чаще всего в моде пессимизм. Именно он представляет наибольшую опасность в наше время, когда, учитывая тяжелую обстановку в мире, очень трудно убедить кого-нибудь, что у каждого государства есть шансы на подъем. Вместо характерного вопроса: *Как будет выглядеть мир, если сохранятся нынешние тенденции?* нужно всегда задаваться вопросом: *Что произойдет, если все будет идти по стандартному сценарию и цикл будет повторяться каждые*

лет пять? В каком-то смысле все правила сводятся к правильному выбору вероятностей на основе циклических закономерностей непостоянного мира.

Скептикам, которые полагают, что ограничение прогноза периодом в пять-десять лет отражает узость и недальновидность подхода Уолл-стрит, я бы сказал – подождите. В главах этой книги рассказывается, что долгие периоды уверенного роста происходят потому, что лидеры стран избегают тех видов излишеств, из-за которых возникают кредитные и инвестиционные пузыри, валютные и банковские кризисы и гиперинфляция – различные виды провалов, которыми кончаются экономические чудеса. Так что правила можно использовать и как руководство по достижению долгосрочного экономического успеха.

В таких странах, как Бразилия или Индия, часто можно услышать, что если правительство делает упор на экономическом росте, то страдают здравоохранение, образование и другие показатели человеческого развития. Но это не так. В странах с самым низким подушевым доходом обычно и показатели человеческого развития очень низкие. ООН ежегодно составляет Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), ранжируя страны по показателям образования (таким как продолжительность школьного обучения), здравоохранения (таким как ожидаемая продолжительность жизни) и базовой инфраструктуры (таким как доступность водопровода и электричества). Совокупный рейтинг страны по ИРЧП часто очень близок к ее рейтингу по подушевому доходу – результату ее экономического развития. Например, в последнем рейтинге Индия занимает 135-е место из 187. Только десять стран, отставших от Индии по среднему доходу, обогнали ее по ИРЧП и только пять с более высоким доходом отстали по ИРЧП.

Рейтинги Индии повысились, но лишь в меру роста ее экономики. В 1980 году, когда ИРЧП подсчитывался всего для 124 стран, Индия занимала сотое место. В последующие десятилетия экономика Индии выросла на 650 %, при том что мировая – меньше чем на 200 %. В результате Индия поднялась в рейтинге ИРЧП и сейчас занимает 89 место среди исходных 124, прибавив 11 пунктов. Однако страны с более высокими темпами роста повысили свой рейтинг еще сильнее. Экономика Китая выросла на 2300 %, и его ИРЧП повысился на 30 пунктов, с 92 до 62. И такая зависимость наблюдается не только в бедных странах. Экономика Южной Кореи выросла на 700 %, и ее рейтинг повысился на 30 пунктов, с 45 до 15. Есть, конечно, и исключения: например, в ЮАР люди живут на редкость недолго для страны со средним доходом в 6500 долларов, что объясняется отчасти высоким уровнем убийств и эпидемией СПИДа. Если страна сильно отстала от других стран своего уровня по какому-то показателю развития, имеет смысл сосредоточить усилия именно на этом показателе. Однако в целом если страна делает упор на рост экономики, то развитие приложится.

Непрактичная наука

Экономическая наука вызывает в обществе все большее разочарование, потому что экономисты не смогли предсказать не только события 2008-го, но и многие кризисы, потрясшие мир как до, так и после. Экономистов критикуют даже их собственные коллеги за излишне академичный подход, за чрезмерную увлеченность элегантными математическими моделями и теориями, в которых предполагается, что люди всегда действуют рационально, и за стремление опираться на накопленную статистику, которая меняется слишком медленно, чтобы по ней можно было предсказывать будущее. А практики – будь то политики, дипломаты, бизнесмены или общественные деятели – не могут ничего планировать без обоснованных предположений о том, что будет дальше. Эта книга предназначена именно практикам. Они довольно скептически относятся к хрустальным шарам, но им нужно уметь и заглядывать вперед, и с первого взгляда распознавать ложную экономическую футурологию.

На экономику все чаще смотрят как на непрактичную науку. Для ряда ученых прогнозирование – интеллектуальное упражнение, они получают награды за публикацию гениальных идей. Результатом часто является одномерный или идеологический взгляд на мир. Некоторые американские и европейские интеллектуалы намекают, что мусульманская культура слишком отсталая и не может обеспечить быстрый экономический рост. Иные крайне правые считают, что любое действие властей плохо по определению. Либералы часто приписывают устойчивый экономический рост демократическим институтам – объяснение, которое не работает во многих случаях, включая длительный бум в Азии (1980–2010), когда большинство режимов региона не были либеральными.

Экономисты и журналисты склонны преувеличивать важность какого-либо одного из факторов роста – будь то сложности, обусловленные отдаленным географическим положением, преимущества либеральных институтов или демографические плюсы молодого и растущего населения – в механизме подъема и падения государств. Эти факторы, убедительно описанные в новейших бестселлерах, действительно нередко играют важную роль в формировании долгосрочного роста, но, по моему опыту, ни один из них не может служить надежным признаком того, как будет меняться экономика в ближайшие пять лет. Например, “нефтяное проклятие” вполне реально: в бедных странах, не готовых к игре в нефтяную лотерею, открытие крупных нефтяных месторождений способствует росту коррупции и замедлению развития. Однако из-за острой неприязни к коррумпированным нефтедержавам составители прогнозов могут не заметить, что, когда мировые цены на нефть вступают в десятилетие бума, многие нефтяные экономики с большой вероятностью тоже ждут бум.

Экономические теории важно понимать, но не менее важно знать, как их применять, в каких сочетаниях и в каких ситуациях. Темпы роста экономики зависят от множества факторов, и баланс этих факторов меняется с течением времени, по мере увеличения богатства страны и изменения ситуации в мире. Поэтому, чтобы ничего не упустить, большинство ведущих составителей прогнозов создают безумно сложные системы. Различные организации, в том числе Всемирный банк и МВФ, учитывают десятки и даже сотни факторов, которые оказывают статистически значимое влияние на экономический рост, – от доли студентов, изучающих юриспруденцию, до этнолингвистического состава страны и того, является ли она бывшей испанской колонией.

Для составления прогноза, имеющего практический смысл, нужно отбраковать всю информацию, которая не обеспечивает перспективного подхода и не является надежной и актуальной. Захлебывающиеся информацией жители развитых стран могут удивиться тому, насколько в странах развивающихся трудно добыть надежные сведения по основным вопросам, таким как размер экономики, – а также тому, насколько нерегулярно эти сведения обновляются. В начале 2014 года Нигерия официально объявила, что ВВП страны составляет 500 млрд долларов, что мгновенно увеличило размеры ее экономики вдвое. Этот резкий скачок не привлек особого внимания, потому что специалисты по развивающимся рынкам уже привыкли к подобным статистическим кульбитам. Всего за год до этого Гана произвела такой же грандиозный пересмотр, за счет которого одним махом перешла из разряда бедных стран в средний класс. По поводу частых пересмотров официальных экономических сведений статистическим бюро Индии бывший председатель индийского Центробанка Я. В. Редди однажды сказал мне, что если будущее туманно всюду, то в Индии туманно даже прошлое.

Статистика, поступающая из развивающегося мира, обладает удивительной изменчивостью и зачастую корректируется в интересах ведущих рыночных игроков. Аналитики, сомневавшиеся в достоверности официальных данных о росте ВВП Китая, начали сличать их с другими показателями, такими как объем грузоперевозок и потребление электроэнергии. Такая проверка может быть очень надежной, да только в 2015 году обнаружилось, что власти приказывали строителям включать свет даже в пустующих жилых комплексах: таким образом повы-

шали потребление электроэнергии, приводя его в соответствие с официальными показателями экономического роста. Это классический пример закона Гудхарта: когда экономический показатель становится целью, он теряет свою ценность – отчасти потому, что очень многим становится выгодно подтасовка данных ради достижения заданного значения^[6].

Полезную и актуальную информацию дают цены на глобальных финансовых рынках: в обычное время они весьма точно отражают всеобщие ожидания в отношении развития той или иной экономики. На рынках находит материальное воплощение то, что Джеймс Суровецки назвал “мудростью толпы”, – реакция рынка мгновенна и подвержена эмоциональным перегибам, но не безумным пересмотрам^[7]. Резкое понижение цены на медь всегда служило для мировой экономики грозным предзнаменованием, из-за чего этот базовый металл получил в финансовых кругах прозвище Доктор Коппер⁴. В США, одной из немногих стран, где финансирование привлекается в основном с помощью облигаций и других долговых инструментов, а не банковских кредитов, рынки заемного капитала стали подавать сигналы бедствия задолго до начала трех последних рецессий: в 1990, 2001 и 2007 годах. Кредитные рынки посылают иной раз и ложные сигналы, но по большей части их можно считать вполне надежным индикатором.

Фондовые биржи, несмотря на периодические припадки эйфории или паники, тоже имеют хорошую историю предвидения экономических тенденций. В 1966 году нобелевский лауреат Пол Самуэльсон саркастически отметил, что фондовая биржа “предсказала девять из пяти последних рецессий”, и его часто цитируют, стремясь принизить точность биржевых прогнозов. Однако сам Самуэльсон был не лучшего мнения и об экономистах с их еще менее надежными прогнозами. В 2014 году в публикации *Ned Davis Research* отмечалось, что, несмотря на несколько больших проколов, когда рынок падал в ожидании рецессии, которая так и не случилась, фондовая биржа продолжает служить надежным индикатором как периодов преуспевания экономики, так и ее спадов. В 1948 году фондовый индекс *S&P500* стал в среднем снижаться за семь месяцев до пика экономического подъема и начал подниматься за четыре месяца до дна рецессии. С другой стороны, по сообщению *Ned Davis*, изучение истории прогнозов профессиональных аналитиков, регулярно привлекаемых филиладельфийским отделением Федрезерва, показало, что эти ведущие экономисты как группа в целом “не предсказали ни единой” из семи последних рецессий начиная с 1970 года^[8]. В США официальным регистратором рецессий является Национальное бюро экономических исследований, и оно объявляло о начале рецессии в среднем через восемь месяцев после ее реального начала.

Сами по себе числа, не считая рыночных индикаторов, не могут дать ключ к пониманию реальных перспектив государства. Большинство экономистов склонны игнорировать любой фактор – даже такой существенный, как политика, – если он не поддается количественной оценке или не встраивается в прогнозную модель. Поэтому “политику” они изучают через количественные показатели вроде государственных расходов и процентной ставки. Однако числами нельзя измерить энергию, порожденную непримиримостью нового лидера к монополистам, взяточникам или бюрократам. Ни одна страна не имеет неотъемлемого права на экономическое процветание; ее лидерам приходится за него бороться, и бороться постоянно. Поэтому в моих правилах предусмотрен смешанный подход, учитывающий конкретные данные – кредиты, цены, денежные потоки – и менее осязаемые предвестники изменения политики и экономического курса.

Вот базовые принципы: избегайте прямолинейных прогнозов и туманных разглагольствований о грядущем веке. Относитесь скептически к универсальным однофакторным теориям. Избегайте предвзятости любого рода, будь то политическая, культурная или “якорная”. Не верьте, что недавнее прошлое является прологом к отдаленному будущему, и помните, что

⁴ *Соррег англ.* – медь; доктор Коппер – персонаж научно-фантастической повести “Кто идет?” (*Who Goes There?*) Джона Вуда Кэмпбелла – младшего (*John Wood Campbell, Jr.*) (прим. перев.).

встряски и кризисы – это норма жизни. Отдавайте себе отчет в том, что любая страна, как бы успешна или неуспешна она ни была, скорее вернется к долговременному среднему темпу роста для своей категории дохода, чем будет бесконечно расти ненормально быстро (или медленно). Следите за сбалансированностью роста и уделяйте особое внимание ограниченному набору динамических показателей, которые позволяют предвидеть цикличные изменения.

Практичное искусство

Я выработал свои правила в ходе двадцатипятилетнего изучения движущих сил экономического развития – факторов, которые теоретически и практически приводят к переменам в экономике. Эти правила помогают мне и моим сотрудникам сосредоточить внимание на самом важном. Приезжая в ту или иную страну, мы собираем впечатления, рассказы, факты и данные. Все наблюдения содержат определенную информацию, но нам нужно знать, какие из них ранее позволяли надежно судить о будущем страны. Правила были выработаны на основе наших умозаключений и протестированы на практике – мы проверяли, какие из них срабатывают. Исключение несущественного позволяет направить разговор в нужное русло, чтобы определить, что происходит в стране: подъем или спад.

Я сократил обширные списки факторов роста так, чтобы можно было следить за самыми важными движущими силами перемен, но чтобы с числом индикаторов можно было справиться. Теоретически рост экономики можно разбивать на составляющие разными способами, но некоторые подходы оказываются полезнее других. Рост можно определить как сумму государственных расходов, расходов потребителей и инвестиций в строительство заводов и жилья, покупку компьютеров и другого оборудования и вообще в развитие государства. Обычно инвестиции составляют существенно меньшую часть экономики, чем потребление, часто в районе 20 %, но они являются одним из самых важных индикаторов перемен, потому что всплески и падения инвестиций обычно влекут за собой восстановления и рецессии. Например, в США волатильность инвестиций в шесть раз превышает волатильность потребления, и если во время типичной рецессии инвестиции уменьшаются больше чем на 10 %, то потребление практически не снижается – просто его рост падает примерно до 1 %.

Рост можно рассматривать и как совокупность производства в различных отраслях, например сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг. При этом промышленность во всем мире приходит в упадок – сейчас она составляет менее 18 % мирового ВВП, а в 1980 году ее доля была 24 %, – но она остается важнейшей движущей силой перемен, потому что традиционно является основным источником рабочих мест, инноваций и роста производительности. Поэтому в правилах уделяется большое внимание инвестициям и заводам и намного меньшее – потребителям и фермерам. Есть мнение, что промышленность идет по стопам сельского хозяйства по мере того, как механизация сокращает рабочие места, и мои правила уточняются, чтобы отразить этот сдвиг. Но пока что промышленность – по-прежнему ключ к пониманию экономических перемен.

Из этого вовсе не следует, что нужно выкинуть все учебники, – нужно просто сосредоточить внимание на наиболее существенных для прогнозирования движущих силах. Вот хорошая иллюстрация: в учебниках говорится о важной роли сбережений в привлечении инвестиций и стимуляции роста, потому что банки вкладывают сбережения частных вкладчиков и компаний в дороги, заводы и новые технологии. Но вопрос сбережений сродни вопросу о курице и яйце: совершенно неясно, что возникает раньше, устойчивый рост или большие сбережения. В этой книге рассматриваются и другие знакомые многим вопросы, такие как влияние переинвестирования и избыточного кредитования, опасности инфляции и неравенства, превратности политических циклов. Но все эти факторы можно отслеживать и измерять сотнями способов, а

я хочу показать, например, как именно нужно анализировать национальную долговую нагрузку и как понять, когда она говорит о повороте к лучшему или к худшему.

Я игнорирую факторы, которые влияют на рост экономики в долгосрочном плане, но мало показательны в качестве знаков перемен. Например, образование – излюбленное средство повышения квалификации трудовых ресурсов и производительности, но в моих правилах ему уделяется мало внимания. Отдача от инвестиций в образование происходит так нескоро и она настолько неоднозначна, что образование практически бесполезно в качестве индикатора экономических изменений в ближайшие пять-десять лет. Многие исследователи связывают произошедший после Второй мировой войны бум в США и Англии с введением всеобщего государственного образования, но его введение началось еще до Первой мировой войны. Недавнее исследование Центра городского развития (*Centre for Cities*) показало, что в 2000-е быстрее всего росли те британские города, которые больше всего инвестировали в образование в начале 1900-х. Экономист Эрик Ханушек в публикации 2010 года показал, что двадцатилетняя реформа образования может увеличить экономику на треть, но этот рост произойдет через семьдесят пять лет после начала реформы.

В послевоенное время экономический рост во многих случаях наблюдался в странах с низким уровнем образования, таких как Тайвань или Южная Корея. Специалист по Азии Джо Стадвелл отмечает, что в Тайване доля неграмотного населения составляла в 1945 году 55 %, и в 1960-м оставалась значительной – 45 %. В Южной Корее в 1950 году уровень грамотности был сравним с показателем Эфиопии. Когда в Китае в 1980-е начался экономический рост, местные власти активно инвестировали в дороги, заводы и другие объекты, которые дают быструю отдачу, потому что карьера чиновников зависела от немедленного обеспечения высоких показателей роста. До школ руки дошли позже.

Инвестирование в образование часто рассматривается как священный долг, вроде защиты материнства, и мало кто интересуется его реальной пользой. В некоторых странах огромные расходы на систему высшего образования не дали почти никакого экономического эффекта, даже в долгосрочном плане. Россия имеет самую высокую среднюю продолжительность школьного обучения (11,5 лет) и самую высокую долю населения с высшим образованием (6,4 %) среди развивающихся стран. Однако доставшемуся ей в наследство с советских времен высокому уровню научно-технического образования еще только предстоит отразиться на экономике. Россия по-прежнему зависит от сырья, и, хотя в стране есть несколько динамичных интернет-компаний, в ней практически отсутствует сектор высоких технологий, а темпы развития ее экономики в 2010-е годы были одними из самых низких в мире.

Я не вижу особой пользы и в обзорах, авторы которых, по сути, стремятся превратить в науку измерение некоторых благоприятных для повышения производительности факторов. В докладе Всемирного экономического форума о международной конкуренции упор сделан на двенадцати базовых категориях, но влияние многих из них, таких как институты и образование, сказывается с большим запаздыванием. Например, Финляндия уже давно имеет высокий рейтинг по системе форума, а в 2015-м занимала четвертое место в мире, будучи первой в дюжине подкатегорий, от начального образования до антимонопольной политики. А среди стран ЕС она была вообще на первом месте. Тем не менее из кризиса 2008 года она выходила чрезвычайно медленно – намного медленнее США, Германии и Швеции, почти с той же скоростью, что и наиболее пострадавшие страны Южной Европы. Это стало расплатой за быстрый рост долговой нагрузки и зарплат и за сильную зависимость страны от экспорта древесины и другого сырья в период падения мировых цен на эти товары. И наличие в Финляндии хороших начальных школ не защитило страну от натиска более серьезных движущих сил.

Всемирный банк тоже публикует рейтинги стран по всевозможным параметрам – от качества дорог до того, сколько дней нужно для открытия новой компании, – и эти рейтинги приобрели большую популярность. Это порождает свои проблемы, потому что все больше стран

начинают нанимать консультантов, которые помогли бы им повысить тот или иной рейтинг (еще один пример закона Гудхарта в действии). В 2012 году президент Владимир Путин поставил цель в течение шести лет повысить позицию России в рейтинге *Doing Business* со 120-го места до места в первой двадцатке, и результаты не заставили себя ждать. К 2015-му Россия поднялась на 51-е место, обогнав Китай больше чем на тридцать пунктов, а Бразилию и Индию – на шестьдесят. Возникает вопрос: если в России так легко заниматься бизнесом, почему там никто этого не делает? В 2015-м в Москве продолжает усиливаться враждебность к международному бизнесу и изоляция от него в гораздо большей степени, чем в Китае, Бразилии или Индии. По мере возможности я стараюсь не опираться на показатели, которые поддаются политическому манипулированию и маркетингу.

В разные годы и в разных странах на первый план выходят то одни, то другие движущие силы перемен. В посткризисную эпоху в экономике доминировала тема долговой нагрузки: страны, которые больше всего сделали для выплаты долгов, накопившихся к 2008 году, – и множество стран, которые еще глубже погрязли в долгах, пытаясь противостоять начавшемуся спаду. В целом глобальная долговая нагрузка сейчас больше, чем она была в 2008-м, и это серьезная проблема. Но свою первую главу я посвятил правилу не о долгах, а о людях и о демографии: именно они могли бы сыграть особенно важную роль в развитии экономики.

Еще одна простая характеристика экономического роста – продолжительность рабочего дня в сочетании с почасовой производительностью. Однако производительность плохо поддается измерению, и результаты постоянно пересматриваются и оспариваются. Зато количество рабочих часов отражает рост трудовых ресурсов, который определяется ростом населения, а его вычислить относительно несложно. В отличие от экономических прогнозов, прогнозы в отношении населения зависят от немногих простых факторов – в основном от рождаемости и от продолжительности жизни – и давно подтвердили свою надежность. С 1950-х и до начала нового тысячелетия ООН двенадцать раз предсказывала размеры населения земного шара в 2000 году, и для всех прогнозов, кроме одного, отклонение от реального значения составило менее 4 %. Первое правило говорит о влиянии роста населения на экономику, остальные – в той или иной степени – касаются производительности. Но я не использую данные о росте производительности напрямую, потому что они ненадежны.

В определенном смысле прогресс в экономике наполовину зависит от роста народонаселения. С 1960 года мировая экономика, включая как развитые, так и развивающиеся страны, в среднем росла примерно на 3,5 % в год⁵. Половина этого роста объясняется ростом населения, точнее, ростом трудовых ресурсов, то есть тем, что большее количество людей работает больше часов. Вторая половина обусловлена ростом производительности. Это соотношение 50 на 50 сохраняется и поныне с одним удручающим изменением: обе части уравнения уменьшаются.

Зависимость экономического роста от народонаселения довольно жесткая: уменьшение трудовых ресурсов на один процентный пункт влечет замедление экономического роста примерно на один процентный пункт. В последнее десятилетие именно это в целом и происходило. Рост мирового ВВП имел тенденцию к снижению, и сейчас он более чем на один процентный пункт меньше своего долгосрочного среднего значения в докризисный период. Не случайным является тот факт, что с 2005 года рост населения трудоспособного возраста (с 15 до 64 лет) замедлился до 1,1 % с 1,8 % в предыдущие пятьдесят лет. Чем это грозит, пока неясно, но в разных странах процесс идет неравномерно. Население трудоспособного возраста уже уменьшается в Германии и в Китае; оно растет, хотя и очень медленно, в США, и оно по-прежнему резко растет в Нигерии, Филиппинах и в ряде других стран. Замедление роста населения мира может задержать, но не может прекратить регулярные взлеты и падения государств.

⁵ Это число характеризует потенциальный рост, который мы вычисляем как сумму роста производительности и роста занятости, используя показатели из общей экономической базы данных *Conference Board*.

Остальные правила относятся в той или иной степени ко второй половине мирового роста, который некоторым образом связан с ростом производительности. Здесь общая картина мира тоже выглядит в лучшем случае смешанной. В 1960–2005 годах среднегодовой рост производительности составлял около 2 %, но за последнее десятилетие он снизился почти на целый процентный пункт. Как и темпы роста населения, официально зарегистрированные темпы роста производительности тоже в разных странах снизились в разной мере: от менее одного процентного пункта в США до более чем двух пунктов в Южной Корее и почти четырех – в Греции. Но если демографический спад несомненен, то вокруг реальности снижения роста производительности кипят споры.

Рост производительности складывается из трудноизмеримых параметров повышения квалификации работников, из числа и мощности используемых ими орудий производства и из неуловимого фактора x , отражающего то, насколько хорошо применяют работники эти орудия⁶. Этот фактор x , на который может повлиять что угодно, начиная с компьютерных навыков и более совершенного управления и кончая улучшением дорог, позволяющим быстрее доставлять работников на рабочие места, является самой туманной частью этого сложного вычисления. Техноскептики утверждают, что произошедший в последнее десятилетие спад роста производительности объясняется тем, что последние технические новинки дают лишь тривиальные усовершенствования в связи и развлечениях: *Twitter*, *Snapchat* и тому подобное. Даже после обучения и тренировки работников эти новинки не дадут того прироста производительности, какой давали изобретения прошлого: электричество, паровой двигатель, автомобиль, компьютер или кондиционер, который резко повысил производительность труда задышавшихся офисных работников.

Оптимисты возражают, что измерения роста производительности не отражают экономию затрат и времени, вызванную новыми технологиями: искусственным интеллектом, все более мощной широкополосной связью и нарождающимся “интернетом вещей”. Например, в США стоимость широкополосного интернета много лет подряд остается неизменной, хотя широкополосные соединения стали намного более быстрыми и приобрели мобильность – что дает огромную экономию времени, никак не отраженную в данных о росте производительности^[9]. Если оптимисты правы, то производительность растет намного быстрее, чем показывают текущие измерения, а вместе с ней ускоряется и экономический рост. Кто бы ни был прав, обе стороны согласны, что проще измерять рост населения, который имеет более очевидное влияние на экономику. Меньше работающих означает более медленный рост экономики, и этот эффект в последние пять лет повсеместно становится все более заметным.

Все правила предназначены для учета тонких взаимосвязей между кредитами, инвестициями и другими ключевыми факторами, необходимыми для функционирования экономики. По ходу книги станет – я надеюсь – ясно, каким образом эти десять правил работают вместе как единая система. Коротко говоря, в государстве, вероятнее всего, начнется устойчивый подъем, если оно оправляется после кризиса, исчезло с радаров глобальных рынков и СМИ и выбрало демократического лидера, имеющего мандат на реформы. Этот лидер создаст условия для привлечения продуктивных инвестиций, особенно в строительство заводов и дорог, а также в развитие технологий, которое укрепит инфраструктуру и тем самым сдержит инфляцию. А вероятность того, что бум скоро закончится, увеличивается, когда страна начинает чувствовать себя слишком комфортно, а частные компании и лица залезают в долги для покупки нелепой роскоши, особенно импортной. Этот период расточительства лишит страну возможности оплачивать заграничные счета, увеличивая в то же время разрыв между миллиардерами

⁶ Технически рост производительности есть сумма повышения качества трудовых ресурсов, углубления структуры капитала и совокупной производительности факторов производства.

и всеми остальными, между столицей и провинцией, и вызовет мощный политический протест, который и сметет одряхлевший к тому времени режим, после чего цикл может возобновиться.

В последней главе книги бегло описано, каков в настоящее время рейтинг ведущих развивающихся и развитых стран относительно этих десяти правил. Рейтинги постоянно меняются, поэтому в последней главе дан просто моментальный снимок работы правил как системы. Наш подход не дает никаких гарантий в условиях непостоянного мира. Самое большее, на что можно рассчитывать, – это что он повысит вероятность выявления очередного поворота в постоянном цикле взлетов и падений государств. Эту систему анализа глобальной экономической конкуренции следует отнести скорее к сфере практического искусства, чем непрактичной науки. Здесь нет крупномасштабных прогнозов на 2050 год – только объективные усилия предугадать наиболее правдоподобное развитие событий на ближайшие пять-десять лет. Цель – практическое руководство по прогнозированию взлетов и падений государств в реальном времени.

Глава 1

Человеческий фактор

Растет ли кадровый резерв?

Сначала я не видел ничего особенно загадочного в унылом глобальном восстановлении. После 2008-го, когда сначала США, а вскоре и весь мир погрузились в глубокую рецессию, экономисты утверждали, что восстановление будет болезненно медленным, потому что это “системный кризис”, а не обычная рецессия, и я им поверил. Их исследования показывали, что после разрушительного для финансовой системы кризиса экономика даже по окончании рецессии обычно еще в течение четырех-пяти лет растет замедленными темпами. Но год шел за годом – пять, шесть, семь, – а экономика продолжала быть сверх ожиданий слабой. К 2015-му в мире все еще не было ни одного крупного региона, где экономический рост вернулся бы на средний докризисный уровень. И я уверился, что столь медленное восстановление ненормально. Тут была загадка: где же ожидаемый рост?

Экономисты предложили массу объяснений тому, почему восстановление экономики идет в этот раз так туго – самыми медленными за все послевоенное время темпами. Большинство их теорий можно свести к значительному ослаблению спроса в результате серьезного кредитного кризиса: компании и потребители начинают увереннее тратить деньги лишь по мере того, как они – с трудом – погашают свою задолженность. Другие относят слабый спрос на счет усугубляющегося неравенства доходов, ужесточения надзора за банковским кредитованием и других симптомов посткризисного стресса. Частично все они могут быть правы, но трудно понять, как именно все эти факторы сказываются на экономическом росте. В США покупательский спрос явно полностью восстановился к 2015 году: продажи автомобилей достигли новых высот, идет стремительное увеличение числа рабочих мест, однако заявленный рост ВВП по-прежнему намного ниже докризисного уровня. Как часто случается в хорошем детективе, может быть, сыщики не там искали?

Мы с моей командой перенесли фокус внимания со спроса на предложение: на ту сторону экономики, которая занята поставками трудовых ресурсов, капитала, земли – базовых составляющих роста. И нашли неожиданного преступника. Одной из важнейших причин отсутствия роста оказался, как ни странно, прежде всего, сокращающийся запас активных трудовых ресурсов. Это открытие настолько противоречило популярным страхам перед вытеснением людей с их рабочих мест роботами и искусственным интеллектом, что в него было трудно поверить. Как может быть проблемой нехватка работников, если развитие технологий сделало их ненужными? Однако в этом случае цифры действительно не врут.

Резкое снижение прироста населения началось еще до кризиса 2008 года, и на самом деле именно им можно в значительной степени объяснить столь удручающие темпы восстановления. Как мы уже видели, один простой способ измерения потенциала роста экономики заключается в сложении роста производительности с ростом трудовых ресурсов, и, хотя во всем мире резко упали оба, падение производительности широко оспаривается, поскольку многие специалисты полагают, что официальная статистика недооценивает вклад новых цифровых технологий. По официальным данным, в 1960–2005 годы производительность в США росла в среднем на 2,2 % в год, прежде чем замедлиться до 1,3 % в последние десять лет. Замедление прироста населения было еще более резким, и с этим никто не спорит. Пятьдесят лет до 2005 года рабочая сила в США росла со средней скоростью 1,7 % в год, а за последнее десятилетие замедлилась всего до 0,5 %. Говоря коротко, в случае США самым внятным объяснением недостающего

экономического роста – который в значительной мере определяется приростом населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) – служит примерно однопроцентное падение прироста трудовых ресурсов.

Мир продолжает содрогаться от приступов страха перед сценарием “взрывного” роста населения, согласно которому в будущем запасов пищи и других ресурсов не будет хватать на всех – со взрывоопасными последствиями. В основе этого сценария лежит часто цитируемый прогноз ООН об увеличении количества жителей Земли к 2050 году еще на 2,4 млрд человек, с 7,3 до 9,7 млрд. Число, близкое к десяти миллиардам, может казаться пугающе большим, но в прогнозе ООН фактически учтено резкое снижение темпов роста населения. Детей стало рождаться намного меньше, и меньше молодежи вливается в когорту людей трудоспособного возраста, а численность населения повышается в основном за счет того, что люди стали дольше жить. Для экономического роста такой расклад крайне опасен.

Большую часть послевоенного времени население мира ежегодно росло в среднем на 2 %, поэтому можно было ожидать, что и мировая экономика будет расти примерно с такой же скоростью, и даже на пару процентных пунктов выше за счет роста производительности каждого работника. Затем, примерно в 1990-м, рост населения мира резко замедлился. С тех пор темп роста уполовинился, упав до 1 %. Может показаться, что разница между одним и двумя процентами невелика, но если бы рост после 1990-го оставался на уровне 2 %, нас бы сейчас было 8,7 млрд, а не 7,3. Мир не старел бы с такой скоростью, и мы бы сейчас не говорили о влиянии народонаселения на экономический рост.

Это влияние проявилось не сразу, потому что для достижения новорожденным трудоспособного возраста в пятнадцать лет должно пройти время. Конечно, во многих странах люди фактически не начинают работать раньше двадцати или даже двадцати пяти лет (в зависимости от продолжительности школьного обучения). Поэтому падение рождаемости начинает явно сказываться на вкладе народонаселения в экономический рост через пятнадцать и более лет, и в последние пять лет это влияние становится все очевиднее.

Замедление роста населения мира стало отсроченным результатом политики ограничения рождаемости, активно проводившейся в развивающемся мире начиная с 1970-х; в первую очередь это китайский “принцип одного ребенка”, установленный в 1978 году. Кроме того, рост населения и в развитых и в развивающихся странах замедлился из-за повышения уровня благосостояния и уровня образования женщин, многие из которых решили заняться карьерой и иметь меньше детей или не иметь их вовсе.

Корни этого демографического сдвига лежат в произошедших за последние полстолетия базовых изменениях в коэффициентах смертности и фертильности. Благодаря успехам медицины и здравоохранения люди стали жить дольше, чем в 1960-х. Средняя продолжительность жизни в мире увеличилась с пятидесяти лет в 1960 году до шестидесяти девяти лет и продолжает расти. Основной рост населения уже приходится на людей старше пятидесяти, а быстрее всех в настоящее время растет сегмент людей старше восьмидесяти. Население мира будет расти и дальше, хотя и значительно медленнее, а вот сегмент людей трудоспособного возраста – двигатель экономического роста – продолжает уменьшаться.

В период после 1960 года происходило и повсеместное падение рождаемости: среднее число рождений на одну женщину упало с 4,9 до 2,5. В развивающихся странах падение было еще более резким благодаря уже упоминавшейся активной политике контроля над рождаемостью. В Индии и Мексике – двух странах, которые вызвали наибольшие опасения в связи с возможным ростом перенаселенности, – коэффициент фертильности упал с 6 в 1960-м до 2,5 и менее. Обе страны теперь очень близки к коэффициенту фертильности на уровне воспроизводства (2,1) – при более низкой рождаемости население начинает сокращаться. По мере падения коэффициента фертильности до критического уровня в 2,1 все больше стран оказываются ниже порога воспроизводства. Почти половина населения Земли сейчас живет в одной

из восьмидесяти трех стран, где на одну женщину приходится в среднем менее двух детей. Диапазон этих стран чрезвычайно широк: от Китая, России, Ирана и Бразилии до Германии, Японии и США^[10].

Население трудоспособного возраста уже сокращается в некоторых ведущих странах, включая Японию, Италию и Германию. Там процесс был очевиден уже годы, но сейчас он начался или вот-вот начнется еще более быстрыми темпами во многих крупных развивающихся государствах, включая Китай и Индию. Более того, ожидается, что темпы роста населения будут продолжать снижаться в следующем десятилетии и далее. Это радикальным образом меняет экономические перспективы планеты.

Замедление роста населения уже повлекло за собой экономические ударные волны внутри общества, влияя на отношения между поколениями, полами, национальностями и даже на конкуренцию человека с машинами. Когда ООН недавно повторила свой прогноз о том, что к 2050 году население Земли приблизится к 10 миллиардам, снова возникла паника в связи с возможной перенаселенностью планеты. Появились неомальтузианцы, которые боятся, что рост народонаселения обгонит рост продовольствия и человечество будет голодать. Есть и неолуддиты, которые опасаются, что изобилие роботов сделает ненужными работающих людей, – угроза особенно страшная в условиях взрывного роста населения. А антииммигрантские силы в Европе и Америке ратуют за строительство пограничных стен для сдерживания растущего натиска тех, кого один из членов британского Кабинета министров назвал “отчаявшимися мигрантами-мародерами”.

При этом упускается из виду, что, хотя десять миллиардов – это и правда уйма народу, для экономики, в том числе для запасов продовольствия, имеет значение замедление темпов роста. Если население стало расти медленнее, это значит, что ослабеет давление на всю производственную цепочку: можно будет изготавливать меньше одежды, домов и еды. Фермам не нужно будет повышать производительность с прежней скоростью, чтобы накормить всех, им нужно будет расширяться только для удовлетворения нужд пожилых людей, которые потребляют до трети меньше калорий, чем молодые. Я не хочу преуменьшать проблему голода в ряде стран, но реальная экономическая причина тут – не рост населения. Для большинства стран основную экономическую угрозу представляет не избыток людей, а недостаток молодежи, и ослабить грядущую опасность нехватки трудовых ресурсов может внедрение роботов. Уходящих на пенсию фермеров могут заменить агроботы.

В мире, где все больше стран будет сталкиваться с нехваткой трудовых ресурсов, на смену текущим разногласиям по поводу “мигрантов-мародеров” (а может, и наряду с ними) придут активные кампании по привлечению или похищению трудовых ресурсов и талантов у других народов. Для стран с быстро стареющим или убывающим населением будет не важно, придут ли к ним “экономические мигранты” в погоне за своим шансом или “политические беженцы”, спасающиеся от войны или преследований. И те и другие пополнят трудовые ресурсы. Необходимость в привлечении или удержании трудовых ресурсов будет особенно острой в развивающемся мире, где коэффициент фертильности падал быстрее, а продолжительность жизни увеличивалась гораздо быстрее, чем это происходило в прошлом, когда богатые страны, такие как Великобритания и США, были на ранней стадии экономического развития.

Ключевой демографический вопрос для экономических перспектив страны заключается в том, растет ли ее кадровый резерв. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего посмотреть на прогноз роста трудоспособного населения в ближайшие пять лет, потому что именно работники (в большей степени, чем пенсионеры и учащиеся) способствуют экономическому росту. Вторая часть правила сводится к тому, что надо посмотреть, как страна противостоит замедлению роста населения. Один (довольно сомнительный) путь заключается в агитации женщин за то, чтобы иметь больше детей. Другой – в привлечении взрослых, включая пенсионеров, женщин и экономических мигрантов, в ряды активных трудовых ресурсов.

Победят те страны, которым повезло иметь высокий прирост населения трудоспособного возраста или которые сумеют привлечь к труду больше свежих кадров.

Двухпроцентный прирост населения – хороший знак

Чтобы лучше понять, какие ограничения наложит демография на экономику разных стран в ближайшие годы, я изучил демографические закономерности для своего списка послевоенных чудес роста – пятьдесят шесть случаев, когда стране удавалось сохранять по меньшей мере шестипроцентный рост экономики на протяжении не менее десяти лет. Я выяснил, что во время этих периодов подъема средний темп прироста населения трудоспособного возраста составлял 2,7 %. Иными словами, существенная часть роста в этих “чудо-экономиках” была обусловлена все увеличивающимся числом молодых людей, достигающих рабочего возраста. Эта очевидная связь между взрывным ростом населения и экономическим чудом проявилась в десятках случаев: от Бразилии 1960-х и 1970-х до Малайзии с 1960-х по конец 1990-х.

Если говорить о том, как быстро должно расти население трудоспособного возраста для увеличения вероятности экономического подъема, то 2 % дает хороший ориентир. В трех из четырех чудо-экономик население трудоспособного возраста увеличивалось в среднем по крайней мере на 2 % в год в течение всего десятилетнего экономического подъема. Таким образом, маловероятно, что страну ждет десятилетний подъем, если ее население трудоспособного возраста растет медленнее 2 % в год. И разительное отличие современного мира от докризисного заключается в том, что теперь очень мало стран, где население растет так быстро. Относительно недавно, в 1980-е, в семнадцати из двадцати самых крупных развивающихся стран население трудоспособного возраста росло быстрее, чем на 2 % в год. Однако их число неуклонно уменьшалось, и в 2010-е таких стран было всего две: Нигерия и Саудовская Аравия. И темпы продолжают падать. К следующему десятилетию – между 2020-м и 2030-м – в этом списке останется только одна страна: Нигерия. В мире, где будет меньше крупных государств с быстрорастущим населением, экономические чудеса станут редкостью.

Следует признать, конечно, что для экономического подъема не всегда требуется бурный рост населения: в четверти перечисленных выше случаев стране удавалось достичь десятилетнего периода интенсивного экономического роста без двухпроцентного прироста населения. Но чаще всего этому сопутствовали необычные обстоятельства. Некоторые страны, например Чили и Ирландия в 1990-е, уже были в относительно хорошем состоянии, когда определенные сочетания реформ и новых инвестиций повысили производительность, компенсировав медленный рост населения. У других возврат к экономическому благополучию происходил на фоне преобразований, как в Японии, Португалии и Испании в 1960-е или в России через десять лет после развала СССР (тут дополнительный вклад внесли высокие цены на нефть). В наше время подобного подъема ожидать трудно, учитывая падение цен на сырьевые товары и распространение политической нестабильности.

Это не предвещает ничего хорошего развивающемуся миру, где все больше стран ожидает перспектива слабого или даже негативного роста населения. Прогнозируется, что на протяжении 2010-х во всех крупных развивающихся странах, включая Индию, Бразилию, Мексику, Индонезию и Таиланд, рост населения трудоспособного возраста будет не выше 2 %. В трех крупных развивающихся странах – Польше, России и, что особенно важно, в Китае – население трудоспособного возраста уже сокращается. Там рост населения трудоспособного возраста опустился ниже 2 % еще в 2003 году и после этого неуклонно падал, пока в 2015-м впервые не стал отрицательным.

В настоящее время сокращение народонаселения Китая является – наряду с высокой долговой нагрузкой и избыточным инвестированием – одной из основных причин, заставляющих сомневаться, что страна сможет сохранить высокий рост ВВП. С 2010-го крайняя увле-

ченность кредитами раскрутила долговую нагрузку Китая до примерно 300 % ВВП, и это бурно обсуждается. Инвестиционный бум, легший в основу быстрого роста Китая, постепенно сходит на нет, оставляя по всей стране призрачные города-новостройки. Однако не менее губительны для роста и последствия депопуляционного взрыва.

Обеспечить устойчивый экономический рост в стране с уменьшающимся населением почти невозможно – или, как предупредила Европейская комиссия в 2005-м, “ни разу в истории не удавалось достичь экономического роста без роста населения”^[11]. В базе данных о почти двухстах странах за период с 1960 года нашлось 698 случаев, когда для той или иной страны есть сведения о темпах роста ее населения и ВВП на протяжении целого десятилетия. Из них в 38 случаях население трудоспособного возраста в стране за десять лет уменьшилось, при этом рост ВВП для таких стран составлял в среднем всего 1,5 %. И только в трех из 698 случаев стране с уменьшающимся населением удалось поддерживать рост ВВП в размере не менее 6 %. Во всех трех случаях это были небольшие страны, восстанавливавшие свою экономику после периода политических волнений, послевоенного хаоса или развала СССР: Португалия в 1960-е, Грузия и Беларусь в 2000–2010 годы. Эти данные заставляют полагать, что для Китая средний рост в шесть и более процентов крайне маловероятен, хотя официальная цель по-прежнему превышает этот порог.

В нескольких многонаселенных странах число людей трудоспособного возраста растет со скоростью не ниже 2 %. К ним относятся Филиппины и несколько развивающихся стран со скромными экономиками, не позволяющими им войти в ведущую двадчатку, например Кения, Нигерия, Пакистан и Бангладеш. Прогнозируется, что население этих стран будет продолжать быстро расти на протяжении следующего десятилетия, поэтому у них есть демографическая фора на конкурентном рынке. Для них важно не поддаться обманчивой идее “демографических дивидендов” – что рост населения якобы сам по себе обеспечивает быстрый экономический рост. На самом деле это происходит только тогда, когда политические лидеры создают необходимые для привлечения инвестиций и создания рабочих мест экономические условия. А вот в Африке, Китае и Индии в 1960–1970 годы быстрый рост населения привел к голоду, высокому уровню безработицы и волнениям. Быстрый рост населения часто является необходимым условием для быстрого экономического роста, но никогда его не гарантирует.

До 2000-х в большинстве стран наблюдался устойчивый рост населения, но к экономическим чудесам он, как правило, не приводил. Мои исследования показали, что в более 60 % из 698 случаев рост населения трудоспособного возраста составлял не менее 2 %, но только четверть из этих подъемов в росте населения привела к экономическим чудесам, то есть к среднему росту экономики не менее 6 % в течение того же десятилетия. Страны, в которых быстрый рост населения не привел к экономическому чуду, – это Турция в каждое десятилетие с 1960-го по 2000-й и Филиппины в каждое десятилетие с 1960-го по 2010-й. Сегодня даже Кения с ее самым быстрым в мире приростом населения – между 2015 и 2020-м он предположительно составит 3 % – не может рассчитывать, что это автоматически переведет ее в ведущие экономики мира.

Предостережением может послужить арабский мир, где в 1985–2005 годах население росло со средней скоростью выше 3 % в год, или почти вдвое быстрее, чем в остальных странах, однако это не принесло никаких экономических дивидендов. В начале 2010-х многие арабские страны страдали от чудовищно высокого уровня безработицы среди молодежи: более 40 % в Ираке и более 30 % в Саудовской Аравии, Египте и Тунисе, где начались беспорядки и хаос “арабской весны”. В Индии, где на демографические дивиденды также возлагали огромные надежды, в ближайшее десятилетие трудовые ресурсы будут ежегодно пополняться десятью миллионами молодых людей, но экономика в последнее время порождает менее пяти миллионов рабочих мест в год.

Хотя чаще всего быстрый рост населения обсуждают в связи с крупными развивающимися странами, увеличение числа работников важно и для экономического роста развитых стран. В последние десятилетия США рассматривают себя как наиболее динамичную и гибкую из всех развитых экономик, намного более инновационную, чем европейские страны, и намного менее косную, чем Япония. Однако значительная часть их преимуществ последних лет вызвана тем, что в ряды трудовых ресурсов США вливается все больше молодых людей. За последние тридцать лет их население трудоспособного возраста росло гораздо быстрее, чем у основных промышленных конкурентов: вдвое быстрее, чем во Франции и Англии, в пять раз быстрее, чем в Германии, и в десять раз быстрее, чем в Японии. Этот демографический подъем помогает объяснить более быстрый экономический рост США за тот же период. Например, в Германии и Великобритании, если вынести за скобки медленный рост их населения, подушевой доход рос с той же скоростью, что и в США. За последние тридцать лет экономика США развивалась в среднем на 0,9 процентного пункта быстрее Германии, и ее население трудоспособного возраста тоже росло в точности на 0,9 процентного пункта быстрее. В остальном их параметры совпадали.

Демографические прогнозы на период 2015–2020 крайне неблагоприятны для развитого мира. Среди десяти крупнейших развитых государств число людей трудоспособного возраста ожидается неизменным во Франции, слегка уменьшится в Испании и будет уменьшаться в быстром темпе (не менее 0,4 % в год) в Италии, Германии и Японии. Прогноз для США менее мрачен: ожидается рост в 0,2 %, примерно такой же, как в Великобритании и Канаде. Среди развитых стран более радужные перспективы, к сожалению, лишь у меньших экономик во главе с Сингапуром и Австралией. Там население по-прежнему растет с приличной скоростью, но их вклад в мировую экономику слишком мал, чтобы компенсировать меньший рост в более крупных странах.

Детские пособия

Борьба с падением роста населения уже в разгаре. За последние десять лет многие страны осознали эту экономическую опасность и приняли меры для противодействия ей. В 2014 году Дания пересмотрела программу сексуального просвещения старшеклассников – их теперь предупреждают о том, как опасно откладывать рождение детей слишком надолго. По данным ООН, 70 % развитых стран уже приняло специальные меры для поощрения рождаемости (в 1996-м таких было только 30 %). В то же время количество развивающихся стран, принимающих активные меры по контролю за ростом населения, с 1990-х стабилизировалось на уровне 60 %.

Поскольку коэффициент фертильности во многих странах опустился ниже уровня воспроизводства (2,1), страны, субсидирующие материнство, основные усилия тратят на то, чтобы побудить женщин иметь более двух детей, а в некоторых странах субсидии на третьего, четвертого и пятого ребенка еще больше. Во многих странах пытались предлагать женщинам денежные пособия на детей или как-то иначе стимулировать деторождение – форма вмешательства государства в репродуктивный процесс, которая часто оказывается неэффективной и противоречивой.

В 1987 году Сингапур выступил пионером этого направления, выдвинув лозунг: “Трое и больше, если это вам по карману”. Широкий спектр поощрительных мер, включая субсидии на пребывание в больнице, мало сказался на коэффициенте фертильности. Я в то время учился в Сингапуре и помню, как шутили о том, что из-за субсидий удлинились очереди беременных китайок, стремившихся произвести кесарево сечение в крайне благоприятное число – 8–88. Канада ввела детские пособия в том же, 1988-м, году, но через несколько лет их отменила, отчасти потому, что – как оказалось и в других странах – на прямые денежные выплаты

откликнулось очень много бедных женщин, и их дети легли тяжким бременем на систему соц-обеспечения^[12].

Когда австралийский министр финансов Питер Костелло в 2005 году впервые объявил о введении в стране детских пособий, он несколько двусмысленно призвал женщин “расслабиться и подумать о стареющем населении”, чем вызвал в обществе некоторое смущение. Шесть лет спустя эти пособия в Австралии отменили, отчасти потому, что они мало сказались на коэффициенте фертильности. К тому времени более серьезные социальные перемены окончательно нивелировали их роль. В большинстве процветающих стран высококвалифицированные женщины не хотят заводить детей до тридцати лет, чтобы сначала сосредоточиться на карьере. В итоге они меньше рожают.

Во Франции социалистическое правительство премьер-министра Лионеля Жоспена попыталось решить эту проблему за счет настолько щедрых пособий, что они могли бы привлечь и высококвалифицированных женщин. Объявленный в 2005 году план правые атаковали за раздувание и без того провального бюджета, а левые – за предоставление преимуществ богатым. Тем не менее пакет был одобрен, включая щедрые выплаты, рассчитанные исключительно на тех родителей, которые решили завести этого золотого третьего ребенка: дополнительные субсидии на жилье, снижение налогов, 10 %-я надбавка к пенсии и 75 %-я скидка на железнодорожные билеты. Помимо этого, родители получали ежемесячное пособие на третьего ребенка в размере 400 долларов, и в придачу – что, возможно, было еще важнее, – если один из них уходил с работы, чтобы ухаживать за третьим ребенком, ему выплачивалась стипендия в размере 1200 долларов в месяц. Эта стипендия могла, по-видимому, привести к немедленному сокращению трудовых ресурсов ради их будущего увеличения. Один из главных архитекторов французской реформы, Питер Бринн, защищая субсидирование рождаемости от критиков, называл его “инвестицией в будущее”. Однако к 2015 году Франция тоже существенно снизила детские пособия.

Когда с недавних пор масштабы сокращения населения стали наносить вред развивающемуся миру, в Чили, одной из первых развивающихся стран, были введены детские пособия. Несмотря на репутацию Чили как консервативной католической страны с традиционно большими семьями, коэффициент фертильности здесь уже намного ниже уровня воспроизводства. В 2013 году правительство откликнулось на растущую опасность резкого уменьшения населения, объявив о планах поощрения деторождения. Президент Себастьян Пиньера заявил, что снижение коэффициента фертильности беспокоит его больше всяких природных катаклизмов, вроде разразившегося в Чили в феврале 2010 года землетрясения. Он ввел прогрессивную схему единовременных выплат: 200 долларов на рождение третьего ребенка, 300 – на четвертого и 400 – на пятого. “Это неожиданное и стремительное падение рождаемости представляет серьезную опасность, серьезную угрозу, которая может повлиять на то, какую страну мы действительно хотим создать”, – предупредил Пиньера.

Примерно в то же время Китай – прародитель всех программ регулирования роста населения – начал пересмотр своей давней кампании по контролю над рождаемостью посредством “политики одного ребенка”, трагически усугубившей проблему старения населения. “Политика одного ребенка” побудила многих родителей прерывать беременность, если плод оказывался женского пола, чтобы обеспечить себе рождение мальчика. В результате гендерный баланс общества оказался существенно нарушен. Число юношей намного превосходит число девушек, и многие молодые люди не смогут найти себе жену. Драконовские меры контроля драматически сказались на трудовых ресурсах: ожидается, что в ближайшие десятилетия они будут сокращаться на миллион работников в год. В конце 2015-го Китай наконец объявил об отмене “политики одного ребенка”.

Трудно предсказать, какие последствия может иметь активное поощрение женщин заводить двоих, троих и более детей: на такую сложную вещь, как уровень рождаемости, невоз-

можно повлиять предсказуемым образом. В недавней публикации демографов Ханса-Петера Колера и Томаса Андерсона объясняется, почему темпы снижения рождаемости в Европе так сильно меняются от страны к стране. В ходе промышленной революции женщины массово вливались в ряды трудовых ресурсов, но социальные нормы менялись медленнее, чем промышленная экономика. Мужчины по-прежнему рассматривались в качестве основных кормильцев, а от женщин по-прежнему ожидалось, что они будут заниматься воспитанием детей и выполнять домашнюю работу. Эти гендерные роли стали меняться в 1960-е, когда культура стала подтягиваться к экономике, но в одних странах процесс шел быстрее, чем в других. Во Франции, Великобритании и скандинавских странах матерям оказалось легче вернуться к работе, отчасти благодаря щедрой поддержке социальных служб по уходу за ребенком. В более традиционных обществах, таких как Германия и Италия, где старые представления о гендерных ролях менялись медленнее, больше женщин отказывалось иметь детей, и сегодня коэффициенты фертильности там чудовищно низки.

Таким образом, результаты государственного влияния на репродуктивное поведение населения проявляются не сразу, и они непредсказуемы, отчасти потому что скорость культурных изменений и уровень сексуальной предвзятости в разных странах разные. Китай со своей “политикой одного ребенка” вовсе не стремился отдать предпочтение мальчикам – там даже пытались запретить врачам разглашать пол плода, – но традиции общества, все еще ставящего во главу угла старших сыновей, исказили результаты. К 2014 году гендерный дисбаланс достиг апогея: на каждые 100 девочек рождался 121 мальчик. Во время своих поездок в Пекин и Шанхай в начале 2010-х я слышал разговоры о том, что Китай возвращается в XIX век, когда широко распространенное убийство новорожденных девочек привело к аналогичному гендерному дисбалансу, который, по некоторым данным, дал толчок “тестостероновой” резне Тайпинского восстания (1850–1864). Говорилось об этом отчасти в шутку, но сама проблема гендерного дисбаланса вызывала серьезные опасения. Весьма вероятно, что в других странах субсидии многодетным семьям будут иметь свои нежелательные последствия. Такого рода кампании трудно рассматривать как положительные знаки для любой страны.

Более плодотворным представляется стремление привлечь к активному труду большее число людей. При этом открываются двери для людей, которые физически и умственно способны к труду, но формально не заняты. Если увеличение численности населения происходит довольно медленно, то увеличения доли работающих можно добиться гораздо быстрее: ведь чтобы женщина, пенсионер или экономический мигрант приступили к работе, не нужно ждать, пока они вырастут. Организация служб ухода за детьми может вернуть на работу мам. Открыв двери экономическим мигрантам, можно в одночасье увеличить население трудоспособного возраста. А отменив принятые в XX веке законы, которые во многих промышленно развитых странах сместили возраст выхода на пенсию на шестой десяток, можно очень быстро вернуть на рабочие места забытое поколение. Чтобы разобраться, каких перемен можно ожидать в размере и квалификации трудовых ресурсов, нужно обратить внимание на изменения в числе пожилых граждан, женщин, мигрантов и даже роботов, приходящих на рабочие места.

Свободу вынужденным пенсионерам!

В последние десятилетия сокращение населения повсеместно усугубляется снижением коэффициента участия трудовых ресурсов – иначе говоря, доли взрослых трудоспособного возраста, имеющих рабочее место или находящихся в его поиске. Из этого процесса снижения доли работающих есть несколько крупных исключений, в частности Германия, Франция, Япония и Великобритания. Зато в США падение происходит особенно резко. За последние 15 лет коэффициент участия трудовых ресурсов в США снизился с 67 до 62 %, причем большая часть снижения пришлось на период после глобального финансового кризиса. Если бы не снижение

этого коэффициента, трудовые ресурсы США в 2015 году включали бы на 12 млн человек больше. Хотя часть этого снижения может быть временным явлением, отражающим то, что миллионы безработных отчаялись найти работу в угнетающей атмосфере Великой рецессии, снижение коэффициента произошло бы в любом случае из-за старения населения. В США для 45-летних коэффициент участия составляет чуть более 80 %, а для 65-летних он менее 30 %; ожидается, что он будет продолжать падать в большинстве стран, поскольку население мира стареет.

Наиболее мудрые страны пересматривают весь принцип “пенсионного возраста” – концепции, не существовавшей до 1870-х. Ранее люди работали до тех пор, пока позволяло их физическое или умственное состояние, и имели много детей, рассчитывая в старости на поддержку хотя бы одного из них. Затем одна железнодорожная компания из Западной Канады задалась вроде бы совершенно частным, но, как оказалось, судьбоносным вопросом: в каком возрасте водить поезда становится опасно?^[13] Ответом тогда стало – шестьдесят пять лет, и именно этот рубеж приняли в качестве официального возраста прекращения трудовой деятельности во многих странах. Даже когда люди сохраняли активность после семидесяти и даже после восьмидесяти, возрастное ограничение осталось неизменным.

Первые государственные выплаты по случаю прекращения трудовой деятельности, призванные облегчить финансовую нестабильность в старости, тоже появились в конце XIX века, в Германии Бисмарка. В то время коэффициенты фертильности в Европе были намного выше уровня воспроизводства, а продолжительность жизни намного ниже, чем сейчас, поэтому население трудоспособного возраста быстро росло и в абсолютных числах, и в отношении к пожилому населению. При растущем числе работников, содержащих ограниченное число пенсионеров, план Бисмарка, согласно которому молодежь обложили налогом для выплаты пенсий старикам, работал прекрасно.

Теперь ситуация зеркально изменилась. Население трудоспособного возраста больше не растет, но пенсионный план Бисмарка остается в действии, хотя многие критики утверждают, что с течением времени он превратился в нежизнеспособную схему Понци. Стало невозможно набрать достаточное количество молодых работников, чтобы хватало на пенсии прекратившим трудовую деятельность; пенсионеры же полностью свыклись с такими выплатами и чувствуют себя превосходно. В октябре 2013-го в Вене я разговорился с энергичным австрийским администратором гостиницы. Она рассказала, что в свои пятьдесят восемь с нетерпением ждет грядущего через два года выхода на пенсию, размер которой будет почти равен ее последнему жалованию. Она планировала вместо работы заняться танго, поездить по стране на велосипеде и покататься на лыжах где-нибудь подальше от цивилизации.

Даже самые богатые страны пришли к выводу, что больше не могут оплачивать золотые годы, которые начинаются так рано. Чтобы определить, для каких стран старение и его стоимость представляют особую опасность, просто сравните число иждивенцев (людей старше 64 или моложе 15) с числом людей трудоспособного возраста (15–64) – это соотношение принято называть коэффициентом иждивенчества. Изменение этого коэффициента многое говорит о потенциале экономического роста страны, показывая, какой процент населения вступает в трудоспособный возраст, начинает откладывать деньги и вносить свой вклад в капитал, который можно инвестировать, не истощая пенсионные фонды. Во время южнокорейского экономического бума в послевоенные годы темпы роста ВВП страны ежегодно увеличивались или уменьшались почти в точном соответствии с изменениями коэффициента иждивенчества. Рост ВВП Китая тоже достиг своего пика в 2010 году, одновременно с достижением коэффициента иждивенчества своего минимума (один иждивенец на троих работающих), после чего коэффициент пополз вверх.

В наше время это число отражает крайне драматичную ситуацию, особенно в таких стареющих регионах, как Европа, где отношение трудоспособного населения к пожилым с 1950-

х уменьшилось вдвое и предположительно уменьшится еще вдвое в ближайшие тридцать лет. Ожидается, что процесс старения, который охватил уже наиболее развитые страны, еще сильнее ударит по развивающимся, опять же потому что там резче падает коэффициент фертильности и резче увеличивается продолжительность жизни. С 1960 года средняя продолжительность жизни в мире выросла на 19 лет, но в Китае среднестатистический гражданин живет на 30 лет дольше и умирает в 75. Это замечательное достижение, но оно имеет свою цену. Сейчас доля китайского населения старше 65 лет на пути к удвоению с 7 % в 2000-м до 14 % в 2027-м. Во Франции же этот процесс удвоения занял 115 лет, а в США – 69.

Демографические изменения отражаются на экономике в первую очередь тем, что уменьшается или увеличивается количество работников, но помимо этого они сказываются и на производительности. В последние годы в странах, где быстро росло население, зачастую и производительность росла быстрее. По мере снижения коэффициента иждивенчества, когда все больше людей начинают работать и зарабатывать на независимую жизнь, доход страны растет – а это увеличивает размер капитала, который можно использовать для инвестирования так, чтобы еще больше повысить производительность. По мнению демографа Эндрю Мейсона, этот вторичный демографический дивиденд существенно увеличил темпы роста экономики в Восточной и Юго-Восточной Азии, где относительно высокие нормы сбережения и относительно большие трудовые ресурсы^[14].

Кроме того, более опытная рабочая сила обычно оказывается и более производительной. В лучшем положении находятся страны, где предпринимаются шаги для того, чтобы сохранить пожилых людей в составе трудовых ресурсов, не переводя их в разряд иждивенцев. В 2007 году в Германии повысили возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин с 65 до 67 лет – мера, которая будет внедряться поэтапно. Так же поступило большинство остальных европейских стран, включая Польшу. Ожидается, что в следующие пять лет доля трудоспособного населения Польши уменьшится более чем на три процентных пункта и составит 66 % – самое резкое снижение среди крупных стран при том, что число пожилых людей продолжает быстро расти. В стране кипят дебаты по поводу повышения пенсионного возраста и других вопросов, типичных для “седеющего” общества, а польские предприниматели стараются извлечь из старения выгоду. По всей стране открываются дома престарелых, которые поляки называют “домами спокойной старости”. Европейские страны, включая Италию и Португалию, уже связали изменение пенсионного возраста с увеличением ожидаемой продолжительности жизни, в других странах обсуждается повышение пенсионного возраста до 70 лет и старше. Есть и исключения, например Франция; но повышение пенсионного возраста – это важный шаг вперед для стареющих стран, и каждый дополнительный год повышения сэкономит миллиарды пенсионных расходов и отсрочит депопуляционный взрыв.

Однако было бы ошибкой считать, что государство может одним росчерком пера заставить всех стареющих работников продолжить трудовую деятельность. В Мексике официальный возраст выхода на пенсию – 65 лет, но типичный мексиканец уходит на пенсию в 72. И во Франции официальный возраст выхода на пенсию – 65 лет, но типичный француз фактически прекращает трудовую деятельность, не дожидаясь 60. Изменяя официальный возраст завершения трудовой деятельности и размер пенсионных выплат, можно поощрить людей оставаться на рабочих местах, но нельзя мгновенно изменить сложившуюся культуру. В большинстве стран продолжительность “золотых лет” пребывания на пенсии увеличивается, ложась тяжелым грузом на экономику. В тридцати четырех промышленно развитых странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), от Китая и Южной Кореи до США и Великобритании разрыв между возрастом выхода на пенсию и смертью составляет в среднем пятнадцать лет, постепенно увеличившись с двух лет в 1970-м.

Затраты на пенсионные выплаты выросли до чудовищных размеров, особенно в Бразилии, где мужчины в среднем выходят на пенсию в 54, а женщины – в 52 года, раньше чем в

любой стране – члене ОЭСР. Причем средняя пенсия составляет 90 % от последней зарплаты, а в членах ОЭСР в среднем – 60 %. Бразилия – одна из тех стран, где растущий дисбаланс между числом работающих и пенсионеров больше всего угрожает шаткому зданию бисмарковской пенсионной системы. Еще один фронт борьбы с результатами резкого падения численности населения, где приходится сражаться правительствам.

Роль женщин в трудовых ресурсах

Международное женское движение за включение женщин в трудовые ресурсы, бывшее весьма активным в послевоенное время, в значительной мере ослабло в последние двадцать лет, после того как коэффициент участия для женщин достиг примерно 50 %. Степень участия женщин в трудовой деятельности обычно очень высока в бедных аграрных странах, где прокормить семью можно, только если все работают в поле. Затем степень участия падает по мере индустриализации страны и перехода ее в средний класс, когда часть женщин переключается на домашнюю работу, выпадая из формальной категории рабочей силы. И наконец, когда страна становится еще богаче, у семей появляются средства, чтобы отправлять женщин в колледж, а уже потом многие из них пополняют трудовые ресурсы.

Чтобы понять, в каких странах выше возможности ускорения роста экономики за счет привлечения женщин к трудовой деятельности, а в каких – ниже, стоит рассмотреть страны с одинаковым уровнем дохода. Согласно исследованию *Citi Research*, проведенному в 2015 году, в богатых странах доля работающих женщин колеблется от почти 80 % в Швейцарии и 70 % в Германии до менее 60 % в США и Японии. К счастью для себя, Япония начинает осознавать этот факт. Пришедший к власти в 2012 году премьер-министр Синдзо Абэ открыто признал, что женщины могут сыграть большую роль в решении остро стоящей перед Японией проблемы старения, и сделал “женщиномику” центральным пунктом своей программы восстановления экономики. Женщиномика включает в себя улучшение служб ухода за детьми, предоставление отпусков по уходу за ребенком, снижение “брачной пошлины”, когда со второго работающего члена семьи берут повышенные налоги, и поощрение японских корпораций к выдвижению женщин на руководящие должности. В первые три года пребывания Абэ на посту премьер-министра в трудовую деятельность включилось примерно восемьсот тысяч женщин; он утверждает также, что его кампания способствовала продвижению женщин на руководящие должности.

В Канаде тоже открыли двери женщинам, и это дало быстрые результаты. В 1990 году лишь 68 % канадок входило в состав трудовых ресурсов; два десятилетия спустя эта доля выросла до 74 %, в основном за счет налоговых сокращений для второго работающего и новых служб по уходу за детьми. Еще более резкий скачок произошел в Нидерландах, где доля работающих женщин с 1980 года удвоилась и ныне составляет 74 % в результате совершенствования системы отпусков по уходу за ребенком и распространения гибких схем частичной занятости. В сравнительно короткие сроки Нидерланды догнали и обогнали США по объемам женских трудовых ресурсов.

Как бы активно ни проходили такие кампании, доля работающих мужчин во всех странах выше доли работающих женщин, хотя величина гендерного разрыва в разных странах разная. В число стран с небольшим, менее 10 %, разрывом входят Норвегия, Швеция, Канада и Вьетнам. Появление Вьетнама в этом списке может показаться удивительным, но гендерные разрывы обусловлены политической культурой, а многие социалистические и коммунистические страны, включая Китай, прилагали планомерные усилия по привлечению женщин в ряды рабочей силы. Это верно даже для России, где доля работающих женщин относительно велика, несмотря на то, что в советские времена более 450 профессий были закрыты для женщин как слишком тяжелые. Придя к власти в 2000 году, Владимир Путин подтвердил эти ограничения,

и российские суды закрепили их не далее как в 2009 году. В своем обзоре 2014 года, посвященном 143 развивающимся странам, Всемирный банк отметил, что в 90 % стран имеется хотя бы один закон, ограничивающий экономические возможности женщин. В число таких законов входят запреты или ограничения на владение собственностью, открытие банковского счета, подписание контрактов, посещение судебных заседаний, поездки без сопровождения, вождение автомобиля и управление семейными финансами^[15].

Подобные ограничения особенно распространены на Ближнем Востоке и в Южной Азии, регионах с самыми низкими в мире коэффициентами участия женщин в трудовой деятельности – 26 и 35 % соответственно. Гендерный разрыв превышает 50 пунктов в Пакистане, Иране, Саудовской Аравии и Египте, причем препятствия на пути женщин представляют собой сложное сочетание формальных законов и культурных норм. Питер Хесслер в своей статье в журнале *The New Yorker* рассказал о китайском предпринимателе, открывшем в Египте завод по производству мобильных телефонов, но вынужденном в течение года закрыть его – отчасти потому что его сотрудницам, несмотря на всю их дисциплинированность, приходилось, подчиняясь египетским культурным традициям, отказываться от ночных смен и увольняться после вступления в брак^[16]. В более крупных странах, таких как Индия, где работающие женщины составляют менее 30 %, за средними цифрами скрываются шокирующие данные по отдельным особо отсталым регионам. В индийском штате Бихар с населением в 100 млн только 2 % женщин выполняют формальную работу, являясь частью трудовых ресурсов.

Культурные барьеры реальны, но преодолимы. Латинская Америка, общества которой особо выделяются в мире своим “мачизмом”, тоже быстро движется по пути привлечения женщин к работе. За период 1990–2013 годов только пять стран мира увеличили долю работающих женщин более чем на десять процентных пунктов, и все это – страны Латинской Америки. На первом месте была Колумбия, где доля работающих женщин выросла на двадцать шесть процентных пунктов, за ней шли Перу, Чили, Бразилия и Мексика.

У такого резкого всплеска был целый ряд причин. Одна из них в том, что латиноамериканки теперь могут получать образование. В Колумбии ведущую роль в этом сыграла “Профамилия”, частная группа, основанная в 1970-е обеспеченными женщинами. “Профамилия” воспользовалась могуществом католической церкви и лоббировала более широкий доступ к средствам контрацепции, чтобы женщины имели возможность заняться карьерой, отложив на время рождение детей. Коэффициент фертильности резко упал, а коэффициент участия женщин в трудовой деятельности взлетел вверх. Во многих странах, для того чтобы получить экономический рост за счет привлечения женщин в ряды рабочей силы, лидерам всего лишь нужно снять существующие ограничения, что намного проще, чем обеспечивать дорогостоящие новые службы по уходу за детьми или щедро оплачивать отпуска по уходу за ребенком.

Культура не может измениться в одночасье, а законы могут. По сообщению МВФ, если в стране женщинам дают право открывать банковские счета, то в течение следующих семи лет доля работающих женщин существенно вырастет^[17]. Тем не менее объем невостребованных женских талантов еще огромен. Во многих странах начинают осознавать, какую выгоду может принести допуск женщин на рабочие места. Самые большие преимущества могут получить страны с наиболее острой проблемой старения и низким коэффициентом участия, в том числе Япония и Южная Корея. В США рекордное число женщин вышло на работу в послевоенное время, но эта тенденция достигла пика в районе 2003-го, а потом пошла на спад. Одной из причин может быть то, что в США исключительно высокий брачный налог сочетается с необычно низкими затратами на службы ухода за детьми. Кроме того, это единственная промышленно развитая страна, где нет общенациональных гарантий оплачиваемого отпуска для ухода за новорожденным.

По недавним оценкам ОЭСР, устранение гендерного разрыва – доведение доли участия взрослых женщин до доли участия мужчин – привело бы к общему росту ВВП на 12 % в стра-

нах – членах ОЭСР в период с 2015-го по 2030-й. Особенно значительно (около 20 %) вырос бы ВВП в Японии и Южной Корее и более чем на 20 % – в Италии, где менее 40 % женщин заняты на формальных работах. Аналогичный анализ, проведенный в 2010 году фирмой *Booz and Company*, показал, что устранение гендерного разрыва в развивающихся странах могло бы привести к еще большему росту ВВП к 2020 году: от 34 %-го прироста в Египте до 27 %-го в Индии и 9 %-го в Бразилии.

Битва за мигрантов

Один базовый источник роста населения оставался постоянным в последние десятилетия. С 1960 года коэффициент фертильности по всему миру резко падал, продолжительность жизни выросла с 50 до 69 лет и продолжает расти, а вот показатель миграции практически не менялся. Полстолетия назад мигранты составляли примерно 3 % населения Земли, и в 2012 году они по-прежнему составляли около 3 %. Несмотря на весь страх, порожденный в 2015 году более чем миллионом беженцев, прибывших в Европу из охваченных войнами Сирии, Ирака и Афганистана, эти потоки миграции, скорее всего, иссякнут, как только в этих странах прекратится междоусобица. Свою роль тут играет более мощный тренд: резкое замедление роста населения трудоспособного возраста в развивающихся странах уже привело к снижению притока экономических мигрантов из этих стран в развитые. В 2005–2010 годах чистая миграция из развивающихся стран в развитые составила 16,4 млн человек, а в 2010–2015 – почти на 5 млн меньше.

Между странами, желающими привлечь заграничных рабочих, даже начала разгораться конкуренция – по крайней мере, до возникновения в 2015 году антииммигрантских движений в Европе и США. По данным ООН, число стран, публично объявивших о стремлении увеличить свое население за счет иммиграции, за три года более чем удвоилось и к 2013 году выросло с десяти до двадцати двух. Чтобы понять, какие страны преуспевают в привлечении мигрантов, надо посмотреть, население каких стран больше всего увеличивается или уменьшается за счет чистой миграции. В 2011–2015 годах наибольший прирост пришелся на долю Австралии, Канады, США и Германии.

Удивительнее всего, пожалуй, появление в этом списке Германии, которая в 2015 году привлекла всеобщее внимание волной протестов против наплыва беженцев из охваченных войнами регионов. Враждебные акции включали поджоги в центрах размещения беженцев и неонацистское скандирование “хайль Гитлер”. Популярность канцлера Ангелы Меркель снизилась, что отчасти объясняют ее политикой широко открытых для иммигрантов дверей. Однако, если бы не прирост от чистой иммиграции, население Германии после 2011 года сократилось бы. В течение 2011–2015 годов население Германии благодаря чистой иммиграции выросло на 1,6 % – в точности на столько же, на сколько увеличилось население США – страны, которая считается страной иммигрантов.

Хотя приток мигрантов принес экономике Германии большую пользу, он был относительно мал, если учесть, с какой скоростью там сокращается население. В 2014–2015 годах число новоприбывших подскочило более чем в 8 раз, почти до миллиона человек, но в 2015–2030 годах Германии пришлось бы принимать ежегодно около полутора миллионов, чтобы сохранить текущий баланс людей трудоспособного возраста и ушедших на покой. Из этого вовсе не следует, что Германия действительно может или должна принимать более миллиона беженцев ежегодно, поскольку существуют вполне реальные проблемы быстрой интеграции такого количества людей в экономику. Я лишь хотел подчеркнуть масштаб стоящей перед Германией проблемы старения, когда дисбаланс между стариками и молодежью усугубляется даже быстрее, чем прибывали беженцы в 2015 году. И эта ситуация типична для многих промыш-

ленно развитых стран: даже сильный прирост числа принимаемых в страну мигрантов только отчасти компенсирует резкое снижение численности собственного населения.

Избежав кризиса беженцев, Канада и Австралия испытали даже большие, чем Германия, демографические всплески, вызванные миграцией: население этих стран с 2011 года увеличилось соответственно на 3,3 и 4,3 %. В последние годы население Австралии росло быстрее, чем население любой другой крупной развитой страны, в основном благодаря организованной иммиграции. Две трети прироста обеспечивают мигранты, прибывающие по большей части из Индии и Китая. Население Австралии стареет, и темпы экономического роста снижаются, но если ее двери останутся открытыми – что в 2015 году, учитывая подъем антииммигрантского движения, кажется совсем не очевидным, – торможение ее экономического развития будет происходить значительно медленнее, чем в большинстве других богатых стран.

Япония – в противоположность Австралии – была настолько закрыта для иностранцев, насколько это вообще возможно в современном мире. Менее 2 % населения страны родилось за рубежом, в отличие от Австралии, где такие жители составляют 30 %. До недавнего времени эта изолированность рассматривалась как конкурентное преимущество: в 1980-е внешние и внутренние аналитики рассматривали гармонию однородной культуры и отсутствие межэтнических противоречий как одну из причин экономического подъема страны. Премьер-министр Ясухиро Накасонэ и другие политические лидеры публично восхваляли “гомогенное” общество как основу японской идентичности и силы. Еще в 2005 году министр внутренних дел Таро Асо, ставший впоследствии заместителем премьер-министра, гордился тем, что Япония представляет собой “одну расу, одну цивилизацию, один язык и одну культуру”.

Некоторые высокопоставленные чиновники по-прежнему придерживаются этой позиции, но их взгляды пришли в противоречие с набирающим в правительстве Абэ силу осознанием, что если Япония не повернется лицом к экономическим мигрантам, то окажется одинокой и уменьшающейся цивилизацией. Премьер-министр Абэ увеличил квоту иммиграционных виз, и таких виз выдается все больше. Однако в настоящее время годовой прирост населения Японии за счет чистой миграции составляет лишь около пятидесяти тысяч человек, и это число понадобилось бы увеличить раз в десять, чтобы противостоять прогнозируемому к 2030 году сокращению населения. Иными словами, Японии пришлось бы в значительной мере начать походить на Австралию.

Южная Корея – еще одна этнически однородная культура, где было принято восхищаться этой гомогенностью как источником политической сплоченности и рабочей дисциплины. Однако эта страна гораздо стремительнее Японии отреагировала на резкое сокращение населения трудоспособного возраста. Шок, вызванный азиатским финансовым кризисом 1997–1998 года, вынудил Южную Корею пересмотреть свою политику изоляции. Если до кризиса в стране было всего четверть миллиона иммигрантов, то с 2000 года число иммигрантов увеличилось на 400 % до 1,3 млн человек, при том что в Японии оно выросло лишь на 50 %. В настоящее время власти Южной Кореи пропагандируют политику мультикультурализма. Сотрудники иммиграционных служб гордятся своими широкомасштабными инициативами по привлечению квалифицированных специалистов, а ООН похвалила южнокорейскую систему предоставления иностранцам разрешений на работу в отраслях, испытывающих недостаток кадров. Хотя население трудоспособного возраста уже сокращается, оно бы сокращалось в четыре раза быстрее, если бы не приток мигрантов. А после прихода в 2013 году к власти президент страны Пак Кын Хе пообещала провести новые мероприятия по привлечению на работу молодых иностранцев для решения проблемы старения.

Эти кампании по найму экономических мигрантов контрастируют с беспорядочными действиями расположенного неподалеку Таиланда, который уже прозвали “стариком Юго-Восточной Азии”, потому что это единственная страна региона, в которой в ближайшие пять лет прогнозируется сокращение населения работоспособного возраста. Под руковод-

ством новообращенного чиновника, получившего прозвище “господин Презерватив”, Таиланд в 1970-е годы развернул программу контроля над рождаемостью, которая – как теперь говорят некоторые – оказалась слишком успешной. Полицейские раздавали кондомы на дорогах, а монахи – в храмах. В своей сети ресторанов “Капуста и презервативы” господин Презерватив (его настоящее имя – Мечай Виравайдья) предлагал бесплатное проведение вазэктомии и получил международную известность, являясь на заседания Всемирного банка с горстями кондомов. Коэффициент фертильности в стране резко упал – с 6 детей у средней женщины в 1970 году до ниже уровня простого воспроизводства в начале 1990-х.

Вовлечение в трудовую деятельность женщин не решит проблем Таиланда, потому что – благодаря либеральной тайской культуре – коэффициент их участия здесь и так более 70 % – намного выше, чем в других странах с таким же уровнем дохода. По сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии это неторопливое буддистское общество и так необычайно открыто для иностранцев: почти четыре миллиона иммигрантов составляют более 5 % населения, в то время как в Филиппинах и в Индонезии на долю иммигрантов приходится менее одного процента. В Таиланде крупными компаниями зачастую руководят иностранцы – в более националистически настроенных соседних государствах, вроде Индонезии или Малайзии, такое бывает крайне редко. Трудящиеся-мигранты, в основном единоверцы-буддисты из Мьянмы, Лаоса и Камбоджи, свободно въезжают в Таиланд и выезжают из него, подчиняясь лишь собственным желаниям, – их никто не приглашает и не выдворяет. “Классический тайский сюжет. Никакой сознательной политики, – сказал мне живущий в Бангкоке экономист, когда я приехал туда в октябре 2013-го. – Формально многие иммигранты находятся тут незаконно, но кого волнует закон?” Для борьбы со старением населения Таиланду потребуется более целенаправленно действовать в отношении иммигрантов.

Среди крупных развивающихся стран миграция в последнее время принесла особую пользу Турции, Малайзии и ЮАР – все эти страны крайне привлекательны для беженцев и искателей работы своих регионов. За 2011–2015 годы ЮАР увеличила свое население с помощью иммигрантов на 1,1 %, Малайзия – на 1,5 %, а Турция – на целых 2,5 %. В 2014 году, когда правые партии по всей Западной Европе требовали высылки иммигрантов и беженцев, Турция спокойно предоставила законный статус более чем миллиону беженцев, многие из которых сирийцы. По крайней мере часть руководства Турции оценила возможность импортировать работников как физического, так и умственного труда, включая множество врачей и других высокообразованных специалистов из рядов беженцев. По сообщению президента Всемирного банка Джима Ён Кима, в 2014 году четверть новых компаний в Турции была создана сирийцами, и быстрее всего развивались те регионы Турции, где обосновались беженцы^[18].

Приток и утечка мозгов

По мере роста конкуренции за рабочую силу особенно ожесточенной становится борьба за квалифицированные кадры. В 2014 году две трети стран ОЭСР только что внедрили или были в процессе внедрения программ по привлечению высококвалифицированных иммигрантов. Эти программы привели к 70 %-му росту числа иммигрантов с высшим образованием в странах ОЭСР, доведя это число за 2000-е годы до 35 млн. Несмотря на подъем в 2015 году антииммигрантских настроений, борьба за иностранных специалистов продолжилась.

США десятилетиями пользовались преимуществами притока мозгов, служившего топливом для предпринимательской энергии американского общества. Сегодня в населении США доля иммигрантов составляет 13 %, но среди владельцев новых компаний их 25 %, а среди работающих в Кремниевой долине – 30 %. Шестьдесят процентов из двадцати пяти ведущих американских высокотехнологичных компаний были основаны иммигрантами первого или второго поколения. Стив Джобс (*Apple*) – второе поколение иммигрантов из Сирии. Сергей

Брин (*Google*) – первое поколение из России. Ларри Эллисон (*Oracle*) – второе поколение из России. Джефф Безос (*Amazon*) – второе поколение из Кубы. Многие из этих основателей с зарубежными корнями приехали из стран, погрязших в войнах или экономической неорганизованности, но многие происходят из семей, эмигрировавших из жестко регулируемых европейских государств, включая бывшую Восточную Германию (Константин Герике из *LinkedIn*), Францию (Пьер Омидьяр из *eBay*) и Италию (Роджер Марино из *EMC*).

В последнее время магнатов Кремниевой долины все больше беспокоит то, что США закрывают двери для высококвалифицированных иностранцев, оказываясь в невыгодном положении в борьбе за кадры. С 2000 года США впускают в страну все больше иностранцев на учебу, но не на работу. За этот период количество студенческих виз увеличилось до почти полумиллиона, а число рабочих виз (виз категории *H1B*) остается стабильным и составляет около ста пятидесяти тысяч. Ежегодно США отправляют обратно на родину, в основном в Индию и Китай, по триста пятьдесят тысяч выпускников, и конкуренты кружат вокруг Калифорнии в поисках молодых талантов.

В 2013 году технический аналитик Мэри Микер распространила фотографии рекламных щитов, которые канадское правительство разместило вдоль автомагистрали 101, главной дороги внутри Кремниевой долины. Надписи на щитах представляли собой злую пародию на выдвинутый президентом Бараком Обамой принцип его иностранной политики “Поворот в Азию” и гласили: “Трудности с *H1B*? Поворот в Канаду”. Летом 2013 года перед поездкой в регион Сан-Франциско министр гражданства, иммиграции и многокультурности Канады Джейсон Кенни сообщил, что собирается объявить, что Канада “открыта для приезжих”, и “не будет извиняться” за охоту на специалистов в чужом заповеднике. “Если вы тут не можете наладить свою иммиграционную систему, то мы приглашаем самых умных и талантливых перейти вашу северную границу”, – сказал он.

Трудно было бы найти более откровенное объявление войны за таланты. Чтобы определить победителей в этой войне, достаточно посмотреть, в каких странах на долю иммигрантов приходится значительная и постоянно растущая доля университетских степеней – свидетельство того, что страна привлекает образованные кадры. Это преимущество заметнее всего в Великобритании, Канаде и особенно в Австралии, где иммигранты составляют 30 % среди населения в целом и 40 % среди университетских выпускников. Эта 10 %-я разница отражает существенный приток мозгов. В США и Японии доля иммигрантов среди населения в целом и среди населения с высшим образованием совпадает, так что их влияние менее выражено. В Германии, Нидерландах и некоторых других европейских странах иммигранты реже имеют высшее образование, чем местные жители.

Эти различия играют важную роль. Китайские и индийские семьи, переезжая в Австралию или Канаду, обычно сохраняют высокие образовательные стандарты, и их дети так же хорошо сдают школьные выпускные экзамены, как местные. На самом деле в Австралии они их сдают даже лучше – это единственная крупная промышленно развитая страна, где сложилась такая ситуация. В США и Великобритании приезжие сдают экзамены чуть хуже местных. Но во многих континентальных европейских странах, особенно на севере, иммигранты сдают экзамены намного хуже местной молодежи. В Швеции, например, оценки “ниже уровня, необходимого для полноценного участия в жизни современного общества” получают 20 % школьников местного происхождения и 60 % учеников из первого поколения иммигрантов. Аналогичный значительный разрыв наблюдается в Германии, Франции, Швейцарии и других северных странах, где растет беспокойство, что миграция способствует росту низших слоев общества, еще больше отягощая и без того перегруженные системы социального и пенсионного обеспечения.

Культурные барьеры, несомненно, усложняют процесс интеграции мигрантов в развивающую экономику, но то же самое верно и в отношении интеграции женщин и пожилых людей. Более того, боязнь неквалифицированных мигрантов, возможно, чрезмерно раздута. Все боль-

шее число исследований показывает, что иммиграция – квалифицированная или нет – ведет к повышению производительности и экономическому росту. Экономист Всемирного банка Чаглар Озден недавно исследовал ходовое обвинение, что иммигранты отнимают рабочие места у местных, и нашел его далеким от истины^[19].

В целом Озден обнаружил, что мигранты часто занимают места, которые местные не хотят или не могут занять. Когда в июне 2015-го я приехал в Грецию, где в то время бушевал долговой кризис и всех тревожил двузначный процент безработных среди молодежи, меня поразило обилие жалоб от местных владельцев компаний на рабочую этику молодых греков, которые предпочитают жить дома на щедрые пенсии своих матерей, оберегающих их от непрестижных работ. Владельцы компаний практически единодушно говорили, что предпочитают нанимать иммигрантов, которые заинтересованы в работе. Это наблюдение подтверждается статистикой: процент участия в рабочей силе иммигрантов в Греции на десять процентных пунктов выше, чем местных^[20]. Это самый высокий в Европе разрыв, поэтому Греция, возможно, является крайним случаем, но в целом мигранты часто занимают позиции, в которых никто другой не заинтересован.

Озден также обнаружил, что неквалифицированные мигранты либо не оказывают никакого влияния на местный уровень занятости и зарплаты, либо способствуют их повышению. Он приводит в пример Малайзию, где недавний большой приток иностранцев позволил многим местным со средним образованием стать не рабочими, а младшими менеджерами над рабочими-иммигрантами. Это вызвало значительное ускорение экономического роста, а квалифицированные мигранты дают еще большее ускорение.

Основные человеческие движущие силы роста производительности в США – это ученые (естественные науки), технические специалисты, инженеры и математики, то есть представители областей, в которых иммигранты уже широко представлены. Таким образом, мигранты в основном заполняют рабочие места либо в самом низу (домработницы), либо на самом верху (преподаватели математики) – мест, которые не привлекают местных. Кроме того, квалифицированные мигранты ускоряют технический прогресс, принося с собой информацию, которую трудно передать в письменном виде, поскольку она усваивается и распространяется через практический опыт, – например подробности изготовления полупроводников. Согласно составленному в Гарвардском университете “Атласу экономической сложности”⁷, ключом к повышению экономического роста являются не столько отдельные специалисты, сколько сочетание знаний и опыта, необходимых для изготовления сложных продуктов: например, для изготовления смартфонов нужно разбираться в аккумуляторах, жидких кристаллах, полупроводниках, программном обеспечении, металлургии и экономичном производстве. Самый быстрый способ приобрести такие кадры – это импортировать их. Этот подход применим ко все большему числу областей в век, когда даже готовка приобрела статус кулинарной науки. Во время поездки в Перу в январе 2014-го я с удивлением обнаружил, что, согласно некоторым рейтингам, в Лиме находятся три из двадцати лучших ресторанов мира. Это результат смешения латиноамериканской и азиатской кухни, связанного с миграцией рабочей силы из Китая и Японии еще в XIX веке.

Для многих развивающихся стран задача связана не только с привлечением, но и с удержанием специалистов. По некоторым оценкам, в 2000-е из Китая и Индии выехало примерно девяносто тысяч изобретателей, многие из которых отправились в США. Это могло привести к существенным преимуществам для США и к существенным потерям для развивающихся гигантов, но к отслеживанию подобных процессов нет системного подхода. Приходится просто внимательно приглядываться к признакам утечки и притока мозгов.

⁷ *Atlas of Economic Complexity* (прим. перев).

Иногда броские цифры вводят в заблуждение. В 2011–2015 годах Россия испытала мощный приток мигрантов, вызванный сотнями тысяч граждан из бывших советских республик (в первую очередь из Украины), отправившихся на поиски работы. Но его влияние было нивелировано отъездом из России множества специалистов. В 2013-м уехало более ста восьмидесяти тысяч россиян, в пять раз больше, чем в 2009-м, и близко к пикам, достигавшимся во время банковского кризиса 1998-го. Уехали предприниматели, писатели, ученые, а также дети богатых родителей, отправленные учиться за рубеж в расчете, что потом они там где-нибудь и осядут. Застольные разговоры российской элиты крутились вокруг того, как раздобыть визу в нужную страну и как вывезти деньги из России.

Китайская экономика была гораздо дальше от кризисной ситуации, чем российская, но побывавшие в Китае коллеги рассказывали о сходных разговорах. В 2000–2014 годах Китай покинуло более девяноста тысяч миллионеров – рекордное число для любой страны. Обзор, составленный *Barclays Bank* и посвященный двум тысячам богатых азиатов, показал, что китайцы гораздо активнее других рассматривали возможность эмиграции: 47 % сообщили, что намерены покинуть страну в ближайшие пять лет. Среди планировавших эмигрировать китайцев примерно трое из четверых говорили об экономической безопасности, лучшем климате, а также о лучших возможностях учебы и работы за рубежом для своих детей. Китайские застольные разговоры шли о выборе лучшей страны для переезда: США, Австралия или Канада? Недавние сводки новостей показывают, что десятки тысяч китайцев искали возможности для инвестиций в Австралии или Канаде ради получения специальных виз, позволяющих крупным инвесторам легально переезжать в эти страны. Когда умные люди ищут способ уехать из страны – это плохой знак, а если они норовят уехать вместе со своими деньгами, это еще хуже.

Несмотря на то, что власти стремятся привлечь в страну талантливых людей, общество противится интеграции мигрантов, хотя это противодействие саморазрушительно. Если исключить изолированную Японию, то в большинстве промышленно развитых демократических государств иммигранты составляют 10–15 % населения. Однако недавний опрос, проведенный британской группой по исследованиям рынков *Ipsos MORI*, показал: жители Германии и Великобритании убеждены, что размеры иммигрантского сообщества в два раза больше. Во Франции и США восприятие искажено еще сильнее – согласно опросам, жители этих стран преувеличивают число иммигрантов в стране в три раза. Американцы считают, что приезжих 32 %, хотя на самом деле их всего 13 %.

Такое искаженное восприятие, обусловленное боязнью чужаков, приводит к мерам по ограничению иммиграции вместо поисков золотой середины. В 2015 году ведущий кандидат в американские президенты Дональд Трамп обещал заставить Мексику заплатить за строительство на ее границе с США неприступной стены. Однако поскольку в Мексике трудоспособное население тоже сокращается, у мексиканцев станет меньше причин искать работу в США. Трамп и его сторонники этого не осознают, но за четыре года, предшествовавших 2015-му, чистая миграция из Мексики упала до нуля, отчасти потому что в США стало труднее найти работу на стройке. В ближайшие годы эта тенденция – сокращение миграции в развитый мир за счет снижения роста населения в развивающемся – вероятно, еще больше усилится.

Здравствуй, робот!

Боязнь роботизированного будущего в наши дни так же сильна, как и страх перед мигрантами и беженцами, и основана на недостатке воображения. В начале XIX века, когда девять из десяти американцев работали на фермах, было трудно предугадать, что в наше время соотношение будет один к ста, и еще труднее представить себе, откуда возьмутся остальные рабочие места. Никто не мог предвидеть грядущего бума профессий в промышленности и сфере

услуг. При этом, как ни странно, современные пессимисты предрекают, что роботы захватят все рабочие места на производстве и людям ничего не останется. Они говорят так, потому что снова трудно вообразить, что будет дальше.

Эти пессимисты утверждают, что последняя техническая революция в корне отличается от предыдущих: раньше машины создавались для того, чтобы быть орудиями труда человека, а новейшие технологии разрабатываются для того, чтобы они думали, как человек. Сейчас речь идет не о том, чтобы установить автоматические руки для физической работы на конвейере, говорят они, а о том, что появляются автоматы с искусственным интеллектом, способные учиться, которые смогут в один прекрасный день сконструировать конвейер, и все это на базе мощных облачных технологий и огромных массивов данных. В одном из наиболее широко цитируемых прогнозов два исследователя из Оксфордского университета, Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн, в конце 2013 года предсказали, что около 47 % рабочих мест в США могут быть автоматизированы в ближайшие десять – двадцать лет^[21]. Самая массовая профессия американских мужчин – шофер, а согласно одному из прогнозов к 2020 году всех шоферов заменят беспилотные автомобили и грузовики.

Такого сорта рассуждения давно в ходу. Институт исследования машинного интеллекта в Беркли подвел итог прогнозам о сроках появления искусственного интеллекта (ИИ), и стандартный прогноз гласит, что ИИ появится через двадцать лет. Но точно такими же были стандартные прогнозы в 1955 году. Есть классический анекдот на тему ИИ: если сказать, что ИИ будет создан через двадцать лет, это привлечет инвесторов к финансированию вашей деятельности, если сказать, что через пять, – они запомнят и потребуют вас к ответу, а если – через сто, то их это не заинтересует.

Хотя робототехническая революция и может произойти быстрее, чем большинство предыдущих технологических революций, все-таки, скорее всего, она будет происходить достаточно постепенно, чтобы не разрушить, а дополнить человеческую рабочую силу. Между количеством существующих в мире промышленных роботов (около 1,6 млн) и мировыми трудовыми ресурсами в промышленности (около 320 млн человек) пока что огромный разрыв. Большая часть этих промышленных роботов – неинтеллектуальные машины, рассчитанные на единственную операцию, вроде завинчивания болта или покраски автомобильной дверцы, и на самом деле почти половина из них работает в автомобильной промышленности, которая остается крупнейшим работодателем (для людей) в США.

Рабочие места развиваются, комплектуются машинами, но люди находят свою нишу. Хотя американские банки заменили массу сотрудников автоответчиками, сэкономленные деньги позволили им открыть множество новых отделений, так что реальное число сотрудников справочных служб выросло с пятисот тысяч в 1980-м до пятисот пятидесяти тысяч в 2010-м. Откликаясь на мрачные прогнозы относительно будущего исчезновения рабочих мест, гарвардский экономист Лоренс Кац отметил: “Рабочие места никогда не кончатся. В долгосрочном плане тренда по устранению работы для человека не существует”^[22].

Если бы автоматика вытесняла людей так быстро, как пишут в современных книжках вроде “Восстания роботов”⁸ Мартина Форда, мы бы уже сегодня видели ее негативное влияние на рабочие места. А мы видим обратное. Еще одна загадка посткризисной эры заключается в том, что, хотя экономический рост был необычно слаб, рост числа рабочих мест в основных индустриальных странах (где пока что больше всего используются роботы) был относительно быстрым. В G7, группе из семи ведущих промышленно развитых стран во главе с США, безработица снижалась быстрее, чем ожидалось на фоне слабого экономического роста, и быстрее, чем в любой сравнимый период начиная по меньшей мере с 1970-х. Мало того: уровень безработицы падал, несмотря на то, что в Германии, Японии, Великобритании и всех странах G7,

⁸ Martin Ford, *The Rise of the Robots* (ориг. *неперев.*).

кроме США, росла доля людей трудоспособного возраста, занятых в рабочей силе. Картина рабочих мест выглядела особенно внушительно в Германии, Японии и Южной Корее, а ведь именно в этих промышленно развитых странах используется больше всего роботов.

Следует признать, что внедрение автоматизации находится на начальном этапе и только наращивает обороты, но и прошлый и текущий опыт показывают, что люди смогут прийти к мирному соглашению с этими захватчиками собственного изготовления. Одним из новых направлений являются коботы – промышленные роботы с поворачивающимися руками, которые достаточно безопасны, чтобы работать рядом и в кооперации с людьми, а не внутри клеток. Технооптимисты верят, что роботы не заменят нас, а станут нам служить и позволят жить в неге и холе, уйдя от дел. Как бы то ни было, с практической точки зрения ответом на уменьшение числа молодых людей должно быть увеличение числа роботов. Обеспокоенный интервьюер спросил недавно нобелевского лауреата по экономике Даниэля Канемана об угрозе, которую несет “восстание роботов” такой индустриальной стране, как Китай. “Вы просто не понимаете, – ответил Канеман. – В Китае роботы появятся как раз вовремя, чтобы спасти страну от сокращения населения”^[23].

В будущем экономисты могут начать считать рост числа работающих роботов положительным фактором для экономического роста, так же как сегодня таким фактором считается рост населения трудоспособного возраста. То ли благодаря мудрому расчету, то ли в результате счастливого случая многие страны с особенно быстро стареющим населением обладают и самыми большими парками роботов. Согласно данным Международной федерации робототехники, самая высокая в мире плотность роботов наблюдается в Южной Корее, где в 2013 году было 437 промышленных роботов на каждые 10 000 сотрудников, за ней следует Япония с 323 роботами и Германия – 282. Китай со своими четырнадцатью роботами был далеко позади, но зато (на счастье или на беду) в Китае парк роботов растет быстрее, чем где бы то ни было: в 2013-м прирост составил 36 000 штук.

Я смотрю на автоматизацию рабочих мест с оптимизмом, потому что верю: законы, управляющие экономическим миром, сходны с теми, которые управляют миром физическим, где ничего не теряется и не приобретается, а все трансформируется. Как отметила консалтинговая фирма *McKinsey*, за последние двадцать пять лет около трети новых рабочих мест, созданных в США, относились к категории, которой за двадцать пять лет до этого не было или почти не было. При следующей трансформации рабочих мест люди, вероятно, заменят места, отданные роботам и искусственному интеллекту, новыми, которые мы пока даже не можем себе вообразить.

Свистать всех наверх

По мере того как сокращение населения все больше сказывается на экономике, некоторые аналитики заявляют, что самой мудрой реакцией на замедление роста населения было бы отсутствие всякой реакции. Таково было убеждение многих японцев, где быстрое старение населения стало очевидным еще в 1960-е, когда коэффициент фертильности впервые упал ниже уровня воспроизводства. Аргументом в пользу бездействия было утверждение, что влияние сокращения населения на экономику не имеет значения, если не происходит снижения душевного дохода. Но любой стране трудно замкнуться в башне из слоновой кости. В дело вступает международная конкуренция. В 2010 году Китай стал второй по величине экономикой мира, обойдя Японию, которая после этого стала активнее стремиться возобновить экономический рост и дать отпор притязаниям Китая на роль военно-политического лидера Азии. Рост населения важен для международного статуса страны и для той власти, которая приходит вместе с экономической мощью, – и это помимо большей динамичности и производительности, связанных с появлением новой рабочей силы. Для оценки потенциала экономического роста

страны прежде всего оцените перспективы увеличения или сокращения ее трудоспособного населения – базовой движущей силы экономики. Не менее важно оценить, в какой степени страна стремится использовать все возможности для пополнения своих трудовых ресурсов. Создает ли она условия для работы пожилым людям, женщинам, иностранцам? Предпринимает ли шаги по повышению уровня специалистов в стране, в частности привлекает ли высококвалифицированных мигрантов? В мире, которому грозит все большая нехватка рабочей силы, надо свистать наверх всех – и людей и автоматику.

Глава 2

Круговорот жизни

Готова ли страна поддержать реформатора?

Теперь-то мне кажется, что приглашение “откровенно высказать свое мнение” о будущем России я воспринял слишком буквально. В октябре 2010 года позвонили из крупного российского банка и сказали, что администрация премьер-министра приглашает меня выступить на эту тему на конференции в московском Центре международной торговли. К моему приходу огромный зал был битком набит, а на сцене сидел Владимир Путин вместе с другими сановниками, включая тогдашнего министра финансов Франции Кристин Лагард. Получив в свой черед слово, я попытался быть откровенным, отметив, что в 2000 году, когда Путин стал президентом, страна еще переживала последствия многочисленных кризисов конца 1990-х и что проведенные Путиным энергичные реформы, включая введение единого подоходного налога в размере 13 %, помогли приблизить благословенное время, когда средний доход в России вырос с двух тысяч долларов до двенадцати.

Потом я перешел к настоящему и будущему, заметив, что они не столь радужны (тут Лагард посмотрела на меня искоса). Теперь, когда Россия перешла в разряд стран среднего класса, стимулировать экономический рост надо иначе. Рост российской экономики замедлился, прежде всего, потому, что ее не удалось диверсифицировать, увести от фиксации на нефти и газе – ведь нельзя постоянно рассчитывать на доходы от высоких цен на нефть, которые за предыдущее десятилетие обеспечили вливание в экономику полутора триллионов долларов. Есть старая поговорка, заметил я: богатая страна – та, что создает богатства. В России же, которая нуждается в перспективных новых отраслях, предприятий малого и среднего бизнеса меньше, чем в большинстве других развивающихся стран.

Продолжая говорить, я заметил, что Путин, нахмурившись, делает заметки, и самонадеянно вообразил, что мои слова показались ему полезными. Я не осознавал, что конференция транслируется в прямом эфире по российскому телевидению. Не ожидал я и яростных вопросов из нью-йоркского офиса, которые назавтра посыпались на меня ни свет ни заря: “Что ты наделал?!” В подконтрольных Кремлю отчетах о конференции меня назвали неблагодарным гостем, чьи мрачные прогнозы прозвучали одиноким диссонансом. Мои слова были отвергнуты как измышления типчика с Уолл-стрит, чьи деньги России и даром не нужны. К счастью, я улетаю в тот же день.

Несколько месяцев спустя в США на одном форуме мне удалось взять интервью у бывшего президента Джорджа Буша – младшего. Я спросил его, насколько изменился Путин с их встречи в 2001 году, после которой Буш сказал, что заглянул в душу российского президента и понял, что этому человеку можно доверять. Буш сказал, что Путина испортил успех и что он стал более самонадеян, когда российская экономика пошла на подъем. Во время их первой встречи Россия выкарабкивалась из серьезного финансового кризиса 1998-го, и Путин был непреклонен в своих реформах, в особенности в стремлении выплатить долги России. Но к 2008-му он уже злорадствовал по поводу сомнительных американских ипотек, которые ввергли мир в финансовый кризис. Путин-прагматик уступил место Путину-популисту, тратившему государственные сбережения на дешевые агитки вроде прибавок к пенсии, и Путину-националисту, восстанавливавшему могущество России такими средствами, которые вызывали опасения возврата к холодной войне.

Замечания Буша помогли мне сформулировать закономерность, проявления которой я наблюдал неоднократно. Даже самый многообещающий реформатор с течением времени сходит с дистанции, становясь слишком самоуверенным, что имеет серьезные последствия для его страны. Этот процесс старения в конце концов одолел некоторых из самых стойких творцов азиатских экономических чудес. На протяжении 1970-х и 1980-х Сухарто обеспечивал Индонезии быстрый рост, пока его прогрессирующая склонность покровительствовать родственникам и друзьям не привела к волнениям 1998 года, включая массовые пожары в Джакарте, положившие конец его правлению. Махатхир Мохамад двадцать лет руководил Малайзией в условиях аналогичного экономического чуда, но в 2003 году был свергнут в результате переворота в его собственной партии. В то самое время, когда мы разговаривали с Бушем, аналогичный процесс угасания проходил в Турции, где премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган двигался по пути от прагматичных реформ к популистскому национализму. Сograждане критиковали его как «нового Путина».

Хотя случай Путина представляется экстремальным, само его превращение из реформатора в демагога происходило, по моему мнению, в соответствии с естественным круговоротом политической жизни, когда кризис толкает страну на путь реформ, реформы ведут к росту и процветанию, а процветание порождает самонадеянность и самодовольство, которые ведут к новому кризису. Во время первого президентского срока Путин прислушивался к советам ориентированных на реформы советников, таких как министр экономики Герман Греф и министр финансов Алексей Кудрин, и провел налоговую реформу, одновременно прилагая усилия по сбережению нефтяных доходов и инвестированию в новую промышленность.

Хорошие времена были очень хороши – в 2000–2010 годы российская экономика почти удвоилась, – но породили в россиянах самодовольство, а самонадеянность их лидера расцвела пышным цветом. Опыненный своим выросшим до небес рейтингом, Путин перестал проводить реформы и сосредоточился на укреплении собственной власти. В 2011-м он отпустил Кудрина в отставку, и в том же году российская экономика резко замедлилась. Сказать, что эти два события связаны причинно-следственной связью, было бы упрощением, но отказ от реформ – одна из причин серьезного и продолжительного замедления российской экономики.

Важнейший вопрос о влиянии политики на перспективы любой экономики сводится к следующему: готова ли страна поддержать реформатора? Для ответа на него нужно прежде всего понять, на каком этапе жизненного круговорота находится страна. Вероятность изменений к лучшему выше всего тогда, когда страна восстанавливается после кризиса. Если страна приперта к стенке, народ и политическая элита с большей вероятностью примут жесткие экономические реформы. В противоположной фазе круговорота страна с большей вероятностью изменится к худшему: во времена процветания, когда народные массы погрязли в самодовольстве и наслаждаются удачей, они неспособны понять, что в условиях глобальной конкуренции реформы необходимо проводить постоянно.

Следующий шаг в том, чтобы выяснить, есть ли в стране политический лидер, способный убедить народные массы в необходимости реформ. Жизненный круговорот включает периодические масштабные колебания народной воли, которые оказывают самое большое влияние в тех случаях, когда у нового лидера есть харизма и здравый смысл, позволяющие ему направить народное стремление к переменам в русло конкретной реформы. Самым благоприятным моментом является появление правильного лидера, и Путин удовлетворял нужным критериям, когда в 1999 году получил полномочия премьер-министра России, а на следующий год одержал внушительную победу на президентских выборах. Во время кризиса страна часто требует смены лидера, поэтому перспективных реформаторов следует искать среди новичков: весьма вероятно, что кризис даст им широкие полномочия в отношении перемен.

Наименее благоприятные периоды наступают, когда почивший на лаврах лидер стремится удержать власть, раздавая щедрые государственные подачки могучим союзникам и

лояльному населению. Времена подъема располагают даже искренних реформаторов к самонадеянности и стремлению подольше удерживать власть. Поэтому следите за лидерами, чрезмерно задержавшимися на своем посту. Их наличие предвещает поворот к худшему. В самом деле, многие массовые политические протесты, разгоревшиеся после кризиса 2008 года от Турции до Бразилии и по всему арабскому миру, были, по сути, бунтом против засидевшегося лидера.

Жизненный круговорот происходит во всех странах, но не всегда с одинаковой скоростью. В более бедных странах развивающегося мира рост намного менее устойчив и предсказуем, чем в богатых странах развитого мира, причем для него характерны резкие подъемы и продолжительные спады. Спады в развивающихся странах зачастую имеют такой размах, что могут полностью или почти полностью уничтожить все, достигнутое во время подъема, ограничивая общий прогресс страны. Многие страны неоднократно откатывались назад. Пятикратный рост среднего дохода в России в период 2000–2010 годов впечатлял, однако при этом подушевой доход всего лишь вернулся к значениям 1990 года после резкого падения в ходе банковских кризисов 1990-х. Сегодня падение возобновилось. В 2014 году, когда после падения цен на нефть путинскую Россию поразил новый кризис, среднедушевой доход страны снова упал с достигнутого в 2008 году максимума в двенадцать тысяч долларов до восьми тысяч долларов.

Так происходит жизненный круговорот: от руин одного кризиса до руин другого. В плохие времена лидеры ругают иностранцев и другие неподконтрольные им силы. Хорошие времена они охотно ставят себе в заслугу. Даже если экономика растет частично за счет глобальных сил – таких как рост мировых цен на нефть, который после 1998 года возвысил нефтяные страны вроде России, – политические лидеры склонны рассматривать значительный рост как подтверждение собственной эффективности. При поддержке своей свиты они приходят к заключению, что под руководством такого одаренного лидера экономика не может не процветать. Правительство партии Индийского национального конгресса во главе с Манмоханом Сингхом, руководившее Индией большую часть 2000-х, уверовало в превосходство Индии над другими развивающимися странами. Поверили в это и многие избиратели. Вместо того чтобы обсуждать реформы, необходимые для поддержания устойчивого роста, все сосредоточилось на распределении богатств, непрерывный поток которых, как ожидалось, будет вечно порождаться экономикой, растущей со скоростью 8–9 % в год. Эта подмена была предвестником резкого замедления роста в 2010-е.

Редкие успехи и частые неудачи политических лидеров играют важнейшую роль в подъеме и падении государств, и жизненный круговорот предлагает несколько признаков, по которым можно судить о том, в каких странах в скором времени начнется период быстрого роста, а какие вот-вот исчезнут из списка растущих.

Читая газеты, постоянно натываешься на утверждения, что той или иной стране необходима “структурная реформа”. И эта истина вечна в том смысле, что она применима к любой стране в любой момент. Не бывает так, чтобы в стране не нужно было исправить какой-то “структурный” элемент. Иногда это относится к “микропроблемам”, связанным с работой бизнеса или правительства, иногда – к “макропроблемам”, таким как высокая инфляция, переоцененная валюта или бюджетный либо торговый дефицит. Иногда существует весьма разумный консенсус относительно того, какие меры могут быть наиболее полезны. Даже на нынешней поляризованной политической сцене США, похоже, ширится убеждение в необходимости сократить мешающие конкуренции корпоративные налоги. В более бедных странах список недостатков может быть таким длинным, что безразлично, с чего начнет новый лидер: с заключения мира с мятежниками, со строительства дорог, с выхода на международный рынок или с ареста вороватых чиновников.

Однако понять, что страна готова к трудным реформам, важнее, чем определить конкретное содержание этих реформ. Обычно готовность народа поддержать реформы зависит от того, испытывают ли люди остроту кризиса или блаженство процветания. Решающая роль настроения масс в жизненном круговороте была ярко продемонстрирована в странах от России до Индии и Бразилии во время глобального подъема 2000-х. Жители многих стран воображали, что высокие темпы роста сохранятся вечно, и единственный вопрос, который рассматривался в контексте “реформ”, – как делить грядущее богатство. Настрой на вечный праздник бросался в глаза всем, кто приезжал в Рио, Москву или Дели, где многие свято уверовали, что их ждет процветание. Таким образом, возможность перемен интересующего нас рода – трудных реформ, способных изменить жизнь страны к лучшему, – откладывалась до очередного витка круговорота. К несчастью, всем этим странам требовался хороший кризис.

Хороший кризис повышает вероятность того, что страна с энтузиазмом воспримет перемены и новых лидеров, однако очень трудно предугадать, кто из новых лидеров окажется успешным реформатором. Это редкая порода людей, и на их пути всегда стоят бесчисленные препятствия, начиная от внутренних сил, защищающих свои интересы, и кончая встречным ветром, бушующим в глобальной экономике. Тем не менее на своем личном опыте я выработал пару правил о том, какого типа лидеры вероятнее всего сумеют превратить общую поддержку реформ в работоспособную программу преобразований. Упрощенно говоря, вероятность успешных устойчивых реформ выше при свежих лидерах, чем при засидевшихся, при лидерах – выходцах из народа, чем при высококвалифицированных технократах, при демократах, чем при диктаторах. Хотя подъем в Китае, продолжавшийся три последних десятилетия, значительно повысил репутацию определенного типа технократического и авторитарного экономического руководства, пример других стран этого не подтверждает.

Свежие лидеры

Французский президент Шарль де Голль однажды сказал: “Великий лидер – это порождение воли и исключительного периода истории”. В этом состоит базовая связь между кризисом и многообещающими новыми реформаторами. Чем серьезнее кризис, тем большее потрясение испытывает народ и тем охотнее люди поддержат свежего лидера, даже если перемены разрушат старый порядок.

Первое серьезное испытание в период послевоенного благополучия произошло в 1970-е, когда значительная часть мира почувствовала свою незащищенность перед лицом стагфляции – стагнации в экономике вкупе с высокой инфляцией, вызванной целым рядом обстоятельств, включая избыточные расходы “государств всеобщего благоденствия” и резкий рост цен на нефть, срежиссированный картелем ОПЕК и нефтедобывающими странами. Широко распространившееся ощущение развала страны подготовило народы многих стран к поддержке идеи радикальных перемен и привело к появлению провозвестников свободного рынка: Маргарет Тэтчер в Великобритании, Рональда Рейгана в США и Дэн Сяопина в Китае. Как это часто бывает в кризисный период, мрачные времена мешали заметить перспективность этих лидеров: Рейгана многие наблюдатели сначала ставили невысоко – как бывшего актера, Тэтчер не внушала доверия, будучи дочерью бакалейщика, а Дэн казался безликим членом коллективного руководства. Китай образца 1978 года был слишком потрясен недавними буйствами толпы во времена “культурной революции”, чтобы возлагать серьезные надежды на какого бы то ни было лидера.

Страдания, причиненные кризисом, могут заставить многие страны требовать перемен, но не все из них будут приветствовать жесткие реформы. Некоторые потянутся к популистам, обещающим легкий путь к процветанию и возврат национальной славы. Именно это объясняет успех Уго Чавеса в Венесуэле и Нестора Киршнера в Аргентине после латиноамерикан-

ского кризиса 1990-х. Другие поддержат истинных реформаторов, как США, Великобритания и Китай поддержали Рейгана, Тэтчер и Дэна в 1980-е.

Все трое пришли к власти в тот момент, когда престиж их стран начинал падать после десятилетия, в которое народ стал не без оснований бояться, что страна сдает позиции глобальным конкурентам. В основе кампаний Тэтчер и Рейгана лежали обещания дать отпор социализму как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, оба ставили задачу выйти из униженного положения 1970-х, когда Великобритания погрязла в долгах и была первой развитой страной, вынужденной обратиться за экстренной ссудой в МВФ. Британские консерваторы открыто жаловались, что их зарегулированное “государство всеобщего благоденствия” стало более левым, чем даже такое социалистическое государство, как Франция. Американцы, пораженные недугом правления Джимми Картера, боялись стать объектом нефтяного шантажа со стороны картеля ОПЕК. Дэн, со своей стороны, развернул свои прагматичные реформы отчасти потому, что, побывав в Сингапуре и Нью-Йорке, увидел, что эти капиталистические страны намного обогнали Китай. Опасение отстать – общий кризис национального статуса – дало всем этим странам мощный толчок к проведению реформ.

Для поколения Рейгана, Тэтчер и Дэна удивительным было то, что в совершенно разных экономических ситуациях все они начали преодолевать кризис с помощью сходных реформ. Медленный рост и высокая инфляция 1970-х в разной степени обуславливались сложными государственными мерами регулирования, и решение, предложенное этим поколением лидеров, создало базовый шаблон для введения свободного рынка. В США и Великобритании этот шаблон включал в себя ослабление централизованного управления экономикой, сокращение налогов и бюрократического бремени, приватизацию госкомпаний и отмену контроля над ценами при одновременной поддержке политики центральных банков, которая играла ведущую роль в обуздании инфляции. В Китае речь шла о том, чтобы позволить крестьянам обрабатывать собственную землю и открыть границы для международной торговли и инвестиций. Результаты деятельности этих лидеров до сих пор вызывают разногласия, но их реформы, бесспорно, внесли динамизм в стагнирующие экономики. Когда в 1980-е стали восстанавливаться США и Великобритания, и в особенности когда начался подъем в Китае, выработанные схемы реформ были взяты за основу новым поколением реформаторов.

К 1990-м под влиянием новой концепции свободного рынка многие развивающиеся страны начали открывать свою экономику для внешней торговли и притока внешних капиталов, и некоторые из них оказались в сложном положении, сделав слишком большие займы у внешних кредиторов. Порожденный заимствованиями валютный кризис разразился в 1994 году в Мексике, в 1997–1998-х прокатился по Восточной и Юго-Восточной Азии, а в последующие четыре года перепрыгнул в Россию, Турцию и Бразилию. Следуя круговороту жизни, кризис снова подтолкнул народы к поддержке реформ. Банкротства и экономический хаос 1998 года привели к тому, что на сцену вышло новое поколение реформаторов: Ким Дэ Чжун в Южной Корее, Луис Инасиу Лула да Силва в Бразилии, Эрдоган в Турции и Путин в России.

Теперь, когда Путин и Эрдоган цепляются за власть, это легко забыть, но именно эта четверка заложила основы растущего профицита государственного бюджета и торгового профицита, снижения задолженности и спада инфляции, что привело к самому сильному подъему всего развивающегося мира. В течение пяти лет, предшествовавших 2010 году, этот подъем фактически избавил бедные страны от страха перед трудными временами, и 97 % развивающихся стран – сто семь из ста десяти стран, по которым есть нужная информация, – начали догонять США в терминах подушевого дохода. Этот показатель в 97 % выглядит особенно внушительно, учитывая, что в предыдущие полвека среднее значение этого показателя – доли развивающихся стран, в которых рост подушевого дохода опережает рост дохода в США, – для любого пятилетнего периода составляло 42 %. Более того, те три страны, которые отставали в период 2005–2010 годов, были маленькими: Ямайка, Эритрея и Нигер. Все достаточно

большие развивающиеся страны догоняли США, и лидеры Южной Кореи, России, Турции и Бразилии внесли самый большой вклад в то, что стали называть “подъемом остальных”^[24].

Поколение Кима – как до этого поколение Рейгана – для продвижения своих реформ опиралось на всеобщее ощущение кризиса и униженное состояние нации. Я добавил имя Ким Дэ Чжуна к этому поколению, потому что он был, вероятно, самым впечатляющим проводником перемен в этой группе. Ким окончил всего лишь профессионально-техническое училище и к тому же был выходцем из бедных южных провинций, которыми центр долго пренебрегал. Харизматичный популист, он стал одним из ведущих борцов с диктаторскими режимами, правившими в Южной Корее в 1970–1980 годы, и в этот период неоднократно оказывался в тюрьме. В 1998 году, на пике азиатского финансового кризиса, Ким наконец выиграл выборы – это была первая победа оппозиционного лидера в послевоенной Корее. Он принялся не только наводить порядок в финансах, но и разрушать тайные связи между политиками, госбанками и ведущими конгломератами, которые позволили корейским компаниям влезть в серьезные долги, растаявшие в кризис, и даже поощряли их к этому. Его правительство создало новое агентство, обладавшее полномочиями закрывать наименее стабильные банки и принуждать остальные поддерживать резервы на уровне, покрывающем их кредиты. Ни один из лидеров этого поколения не сделал больше для реформирования базовой структуры экономики страны, чем Ким, и это одна из причин, почему Южная Корея и сегодня продолжает оставаться экономически сильнее России, Турции и Бразилии.

Тем не менее достижения остальных членов четверки тоже были внушительны для их времени и места. Назначенный преемником Ельцина в разгар кризиса рубля 1998 года, Путин затем победил на президентских выборах 2000 года, пообещав восстановить в России сильную власть. Под влиянием таких советников, как Кудрин и Греф, он предпринял серьезные созидательные действия в правильном направлении. Он направил существенную часть прибыли от продажи нефти в резервные фонды и заключил сделку с новым классом российских олигархов, дав им полную свободу в ведении бизнеса, при условии, что они будут держаться в стороне от политики. Чтобы снизить размеры коррупции, связанной с замысловатой системой налогов, собиравшихся многочисленными государственными агентствами, он сократил число налогов с 200 до 16, заменил многоуровневый подоходный налог невысоким единым налогом и уволил всех налоговых полицейских, многие из которых погрязли в коррупции. Снижение налогов фактически привело к увеличению доходов и помогло Путину сбалансировать бюджет. В отличие от Кима он мало что сделал для повышения конкурентоспособности банков и компаний или создания производственных отраслей, но он – впервые после развала Советского Союза – поставил национальные финансы на твердую основу.

Эрдоган пришел к власти в Турции два года спустя, на фоне валютного кризиса и в разгар бушующей гиперинфляции. Как и Путин, Эрдоган поставил экономику своей страны на более стабильную основу, тоже руководствуясь советами компетентных финансовых советников, таких как министр экономики Али Бабаджан. Эрдоган тоже ездил в Лондон и Нью-Йорк, произносил речи об интеграции своей страны в западный мир, заявляя, что именно это является основной задачей его правительства и что демократические принципы свободного рынка “могут быть основой и мусульманского общества”. Он с исключительной ответственностью подошел к управлению финансами страны: реформировал расточительную пенсионную систему, приватизировал проблемные госбанки, провел закон о более плавной ликвидации обанкротившихся компаний и дал клятву поддерживать бюджетный профицит. Какие бы упреки ни вызывала более поздняя деятельность Эрдогана и Путина, трудно отрицать положительное влияние их ранних реформ: в последовавшее за ними десятилетие турки, как и россияне, увидели многократный рост душевого дохода, превысившего десять тысяч долларов. Обе страны перешли – по крайней мере, на время – из категории бедных стран в средний класс.

Дорогу свежим лидерам открывает тот тип кризиса, который способствует изменению образа мыслей. Это может быть переход от всеобщего удовлетворения к серьезному потрясению, как в случае с азиатским финансовым кризисом 1997–1998 годов, который мобилизовал на реформы не только корейцев, но и индонезийцев и другие народы. Или же такой кризис может возникнуть в результате тлеющего недовольства, вызванного долговременным снижением экономического роста. Все, кроме одного, из упомянутых выше реформаторов и потенциальных реформаторов – от Тэтчер 1980-х до Путина – появились в странах, которые на протяжении предыдущего десятилетия проигрывали конкурентам: их доля в региональном или глобальном ВВП снижалась. Исключением стал Эрдоган в Турции, которая не уступала своим соседям просто потому, что в других странах этого региона бушевал еще худший экономический кризис.

Не все разделяют изложенную мной точку зрения. Одно из возражений сводится к тому, что Путин и Эрдоган проводили реформы вынужденно, потому что без этого не могли получить ссуды от МВФ, и, следовательно, неверно говорить, что они хоть когда-то были убежденными реформаторами. Однако суть в том, что кризис очень часто вынуждает лидеров проводить реформы, потому что они убеждены в их необходимости, потому что этого требует народ или потому что на этом настаивают кредиторы. Каждому побывавшему в начале 2000-х в Москве или Стамбуле или послушавшему выступления таких убежденных турецких и российских реформаторов, как Бабаджан или Кудрин, было ясно, что Путин и Эрдоган находятся под давлением не только МВФ, но и собственных народов, а также последствий болезненного кризиса. Турция и Россия были готовы к переменам, а Путин и Эрдоган были лидерами, способными провести реформы, потому что были популярными харизматичными фигурами и понимали остроту момента.

Другое возражение заключается в том, что Россия и Турция были захвачены общим для развивающегося мира подъемом 2000-х, поэтому в их устойчивом росте нет особых заслуг Путина и Эрдогана. Однако, хотя удача в виде глобального подъема и сыграла свою роль в успехе этих лидеров, их экономическая политика весьма отличалась от политики Чавеса в Венесуэле и Киршнера в Аргентине. На протяжении цикла экономика России и Турции развивалась гораздо успешнее, чем экономика Венесуэлы и Аргентины: рост был более значительным, а инфляция намного ниже.

То же сочетание везения и правильной политики привело к успеху последнего члена этого поколения – Лулу да Силва в Бразилии. Победив на выборах в 2002 году, он пришел на смену Энрике Кардозу, который начал было обуздывать гиперинфляцию. Но изменить мировоззрение бразильцев и произвести поворот удалось именно Луле благодаря его харизме и популярности. Первый выходец из рабочих среди бразильских президентов, Лула в девятнадцать лет получил производственную травму (потерял палец), и противники характеризовали его так: “псевдонеграмотный и девятипалый синий воротничок”. Многие ожидали, что он возобновит щедрые социальные выплаты, которые за десять лет до этого дали старт гиперинфляции. Страх инвесторов перед Лулой был так велик, что одна лишь перспектива его победы на выборах привела к резкому падению бразильской валюты и фондового рынка, и сам по себе этот кризис стимулировал первые реформы Лулы.

Лула назначил главой Центробанка бывшего руководителя *FleetBoston* по имени Энрике Мейреллес, который поклялся усмирить инфляцию и сдержал свое обещание, подняв процентные ставки выше 25 %. При Луле экономический рост Бразилии ускорился благодаря международному росту цен на сырьевые товары. Следуя примеру великих предшественников, он соединил базовое понимание того, что нужно стране для возрождения, с умением общаться с народом, необходимым для пропаганды трудных реформ, и таким образом сумел вывести страну из крайне сложного положения.

Следующее мировое потрясение связано с глобальным финансовым кризисом 2008 года. Это был самый глубокий кризис со времен 1930-х, и всякое событие такого масштаба непременно должно было повлечь за собой призывы к переменам. И действительно, кризис вызвал повсеместные антиправительственные выступления – как в форме протестного голосования, так и в форме уличных беспорядков. В демократических государствах избиратели выразили недовольство правительствами. В 2005–2007 годах граждане тридцати крупнейших демократий мира, включая двадцать крупнейших развивающихся стран, проголосовали за сохранение у власти правящей партии на двух выборах из каждых трех. В 2010–2012 годах, по мере того как глобальное замедление экономики распространилось на развивающийся мир, уровень неприятия удвоился и граждане на двух выборах из каждых трех проголосовали против правящей партии. Это антиправительственное движение отстранило от власти правящие партии по всей Европе, а также в Чили, Мексике и Филиппинах, а позже – в Индии, Индонезии, Италии и других странах. Хотя оценивать новичков еще рано, но следующие влиятельные лидеры, скорее всего, выйдут из рядов реформаторов, выбранных для решения проблем, которые проявились вследствие событий 2008 года.

Устаревшие лидеры

Каждый посткризисный переход сложен по-своему, однако просматривается общая тенденция: проведение реформ наиболее вероятно, когда у власти находится решительный новый лидер; с течением времени эта вероятность снижается по мере того, как лидер переносит фокус внимания на свой след в истории или на обогащение родных и друзей. Упрощенно это правило можно представлять себе так: существенные преобразования наиболее вероятны в первый срок лидера у власти, менее вероятны – во второй и совсем маловероятны позже, когда у лидеров иссякают реформаторские идеи, или популярность, необходимая для их реализации, или и то и другое. Конечно, бывают и исключения – Ли Куан Ю правил Сингапуром более тридцати лет и все это время неустанно проводил реформы, – однако общее правило справедливо.

Так “выдохлись” многие известнейшие реформаторы. Рейган пал жертвой “проклятия второго срока” – повторяющегося цикла скандалов, падения популярности и оппозиции в Конгрессе, который мешает американским президентам проводить реформы после своего первого срока на посту. Хотя некоторые сомневаются в реальности этого “проклятия”, известный историк Майкл Бешлосс считает, что в этом что-то есть, раз ни одному президенту не удалось в ходе второго срока пребывания у власти выполнить задуманное – по крайней мере за двести лет, прошедшие со времен Джеймса Монро.

Даже влияние Дэн Сяопина, которого не ограничивали ни продолжительность срока, ни выборы, существенно снизилось после примерно двух сроков пребывания в должности. Он пришел к власти в 1980-м и правил в качестве партийного и военного руководителя до тех пор, пока народные требования политических свобод – в дополнение к предоставленным Дэном экономическим свободам – не вызвали в 1989 году протесты на площади Тяньаньмэнь. После кровавого столкновения Дэн ушел с партийного и военного постов, но остался в качестве неформального “высшего руководителя”, продолжая проводить политику экономического прагматизма и политических репрессий. То есть человек, который был, возможно, главным экономическим реформатором XX века, занимал ведущие официальные должности в течение всего лишь девяти лет – поразительный индикатор того, как быстро выдыхаются даже лучшие лидеры. С тех пор Китай строго следует правилу полностью пересматривать свое руководство каждые десять лет.

Хотя у Лулы и Кима хватило мудрости не сражаться за сохранение власти, даже Лула начал демонстрировать самоуверенность и самодовольство, типичные для стареющих режимов. В 2009-м, когда глобальный финансовый кризис опустошал многие страны Запада, но еще

не добрался до развивающихся, Лула, у которого заканчивался второй срок, принялся ликовать по поводу того, как хорошо Бразилия справилась с кризисом. Он нравоучительно замечал, что финансовый катаклизм 2008 года “вызвали не чернокожие, не коренные народности и не бедняки. Этот кризис был посеян и выращен иррациональным поведением некоторых белокожих и голубоглазых людей”^[25]. Ему не приходило в голову, что кризис ударит по Бразилии и множеству других развивающихся стран в последующие годы, уже после того как сам он – в соответствии с бразильскими законами – уйдет в отставку 1 января 2011 года.

К сожалению, Эрдоган и Путин не выказали подобного уважения к законодательным ограничениям своей власти. Оба пребывают на высших постах уже четвертый срок – весьма редкое событие для ведущих стран мира – и представляют собой яркие примеры засидевшихся лидеров. Еще совсем недавно, в 2006 году, готовность российского руководства ограничивать расходы и прислушиваться к базовым советам о том, как сохранить подъем, включая необходимость диверсификации ради ослабления зависимости от нефти, производила сильное впечатление. Однако вскоре после этого политика изменилась: правительство стало расходовать Резервный фонд, созданный для сохранения прибыли от продажи нефти, и тратить большие средства на подачки народным массам, включая солидные прибавки к пенсиям быстро растущему множеству пожилых граждан. Это угрожало стабильности российского бюджета, которой удалось достичь с таким трудом.

Между тем в Турции критики режима называли Эрдогана “очередным Путиным”, который превращается в диктатора и теряет интерес к реформам, наступая на гражданские свободы и жестоко подавляя инакомыслие. Придя к власти в 2002 году как лидер исламистской Партии справедливости и развития, Эрдоган взял хороший старт, и до самого конца его первого срока в 2007 году Турция считалась одним из ведущих реформаторов развивающегося мира. Эрдоган получил всеобщее признание благодаря тому, что открыл возможности для составлявших большинство религиозных мусульман, которые долгое время не могли занимать руководящие должности. Это введение большинства в основное русло привело к резкому подъему, который сделал Эрдогана популярным не только среди практикующих мусульман, но и среди некоторых представителей старой секулярной элиты – “белых турок”.

С каждыми новыми выборами Эрдоган получает все большую поддержку в законодательных органах, но вместе с тем растет и его самонадеянность. К своему третьему сроку, начавшемуся в 2011-м, Эрдоган оттолкнул от себя светскую часть общества агрессивным насаждением мусульманских социальных норм: борьбой с ночными клубами, алкоголем, курением, выпивкой и публичными поцелуями. Как и Путин, Эрдоган прилагал много усилий к пробуждению национальной гордости – в его случае это реализация проектов, призванных возродить исламское величие Турции времен Османской империи, включая строительство самой большой в мире мечети. Это еще больше оттолкнуло светских турок. Два года спустя планы Эрдогана по превращению популярного стамбульского парка в торговый комплекс в духе Османской империи привели к мощным протестам среднего класса; тем самым Турция пополнила ряды развивающихся стран от Египта до Бразилии, где средний класс выступает против стареющего правительства.

Аналитики, бросившиеся объяснять этот всплеск волнений летом 2013-го, устремили внимание прежде всего на протестующий средний класс, а не на стареющие режимы, против которых протест был направлен. В *The Washington Post* описали феномен “ярости среднего класса”, ставшего “более требовательным”. Автор статьи в *The New York Times*, сидя в роскошном ресторане в предместье Стамбула, рассуждает о восстании “нарождающихся классов” и “образованных обеспеченных людей”, извлекавших максимум преимуществ из тех режимов, которые теперь отвергают. Политэкономист из Стэнфордского университета Фрэнсис Фукуяма углядел “революцию среднего класса”, инициированную технически подкованной молодежью. Все это были интересные и хорошо изложенные наблюдения, но не рост среднего класса был

предвестником волнений. Да, средний класс увеличивался в странах, охваченных протестами, но и во многих других странах он тоже увеличивался. За предыдущие пятнадцать лет в двадцати одной из крупнейших развивающихся стран доля среднего класса в населении страны росла в среднем на восемнадцать процентных пунктов и слегка превысила половину^[26].

Однако протесты возникли и в тех странах, где средний класс рос особенно быстро, например в России (на шестьдесят три процентных пункта), и в тех, где он рос весьма медленно, как в ЮАР (на пять процентных пунктов). Самые сильные волнения произошли там, где рост среднего класса происходил со скоростью, близкой к средним восемнадцати процентным пунктам: в Египте (четырнадцать пунктов), в Бразилии (девятнадцать пунктов) и Турции (двадцать два пункта). Иначе говоря, нет прямой связи между ростом среднего класса и подъемом протестного движения среднего класса.

Общим для всех этих протестных движений была их направленность: все они были обращены против стареющих и самонадеянных режимов. Экономический подъем, охвативший развивающиеся страны в 2000-е, убедил многих национальных лидеров в том, что именно им страна обязана своим успехом. Они пускались на разнообразные уловки (удлинение срока полномочий, смену должностей), чтобы удержаться у власти. В 2003–2013 годы в двадцати ведущих развивающихся странах средняя продолжительность пребывания правящей партии у власти выросла вдвое: с четырех до восьми лет. В большинстве этих стран это вполне устраивало процветающее большинство, пока к концу этого десятилетия экономический рост в развивающихся странах не стал резко снижаться.

Первые волнения разразились в 2011-м, когда произошел резкий всплеск забастовок шахтеров ЮАР. Позже в том же году прошли протесты против Сингха в Индии и Путина в России, где некоторые из демонстрантов несли лозунги, сравнивавшие Путина с пресловутыми пожизненными диктаторами типа Муаммара Каддафи в Ливии и Ким Чен Ира в Северной Корее. К 2013 году в семи из двадцати ведущих развивающихся стран – в России, Индии, ЮАР, Египте, Турции, Бразилии и Аргентине – вспыхнули политические волнения. Причем все эти протесты были направлены против режимов, господствовавших более восьми лет и не справившихся с экономическими проблемами посткризисного мира.

Можно предположить, что даже сильные лидеры, засидевшись во власти, теряют реформаторский импульс. Конкретный временной расклад нередко зависит, по крайней мере частично, от состояния экономики. Когда в середине 2003 года Нестор Киршнер стал президентом Аргентины, страна пыталась выбраться из тяжелой четырехлетней экономической депрессии. У Киршнера, завзятого популиста, был, однако же, увлеченный реформами министр экономики Роберто Лаванья, который помог аргентинцам, затянув пояса, преодолеть последние годы депрессии. Но в 2005 году, как только экономическое положение страны укрепилось, Киршнер отправил Лаванью в отставку и снова свернул влево. Это был очень красноречивый жест – точно такой же, как санкционированный Путиным уход Кудрина в 2011 году. Когда президенты начинают отправлять реформаторов в отставку, это настораживает.

Фондовые рынки очень чутко реагируют на процесс старения режима. С 1988 года в крупных развивающихся странах выборы общенационального масштаба проводились девяносто один раз, при этом было выбрано в общей сложности шестьдесят семь новых лидеров, из которых пятнадцать пробыли на посту два полных срока. Последние по определению составляют политически успешную группу, возглавляемую людьми, подобными Путину, Эрдогану, Луле и Сингху. Но с течением времени национальные фондовые рынки начинают все более критически оценивать их управление экономикой. В целом эта группа лидеров в свои первые сроки обеспечила своим странам плюс 16 % к среднемировым темпам роста фондовых рынков развивающихся стран, а во второй срок превышения практически не было. Одни из самых низких результатов были достигнуты при Эрдогане в Турции, когда во время его второго срока (2007–2011 годы) фондовый рынок страны отставал от средних по развивающимся странам

значений на 18 %, при Дональде Туске – во время его второго срока (2011–2014 годы) фондовый рынок в Польше отставал на 6 % и при Сингхе в Индии – в его второй срок (2009–2014 годы) отставание составило 6 %.

По мере старения режима рынок чутко реагирует на отмирание реформ. Стандартный срок властных полномочий составляет около четырех лет, однако на деле его протяженность сильно варьируется, особенно в парламентских системах, где премьер-министр может проводить досрочные выборы. Чтобы определить, в какие моменты рынки имеют тенденцию отворачиваться от действующих премьер-министров и президентов, я снова обратился к 91 результату общенациональных выборов, прошедших с 1988 года, и выделил тридцать трех лидеров, которые пробывали у власти хотя бы по пять лет. Оказалось, что для этой группы лидеров в целом в течение первых трех с половиной лет их пребывания у власти медианная среднерыночная доходность имела тенденцию расти быстрее, чем среднее значение для развивающегося мира, а именно: за первые три года и пять месяцев правления нового лидера превышение составляло более 30 %. Возможно, еще показательнее то, что почти все это превышение (90 %) над средним показателем развивающегося мира достигалось за первые два года нового режима. Однако через три с половиной года рынок начинал дрейфовать. Это кажется серьезным подтверждением той гипотезы, что наиболее вероятный период проведения благотворных для развивающейся экономики реформ приходится на политический “медовый месяц” – первые годы лидера у власти. Рынки, разумеется, имеют тенденцию к росту, когда у инвесторов есть основания полагать, что экономика в будущем будет расти, а инфляция – снижаться.

Стоит отметить, что тот же анализ для развитых стран не показал явной связи между состоянием фондового рынка и старением политических лидеров. Это не означает, что в богатых странах лидеры не играют никакой роли; это означает лишь, что политика играет более важную роль в развивающихся странах, где институты слабее и новые или старые лидеры могут оказать более явное влияние на экономику, а потому и на настроение на рынках.

Редкий лидер понимает, что самый надежный способ оставить о себе добрую память – уйти в отставку после периода успешной деятельности. Многие президенты мечтают умереть на посту и начинают хвататься за власть, меняя сроки полномочий, перемещаясь с одной высокой должности на другую или назначая вместо себя родственника или близкого друга. В России Путин продлил свои полномочия, перейдя с поста президента на пост премьер-министра и обратно. Эрдоган пошел сходным путем: не сумев изменить правила, чтобы получить возможность баллотироваться на должность премьер-министра в четвертый раз, он в 2014 году участвовал в президентских выборах и победил. Вступив в должность, он объявил, что тысячекомнатный дворец стоимостью в шестьсот миллионов долларов, который он строил в качестве новой резиденции турецких премьер-министров, станет вместо этого резиденцией президента. Как Путин и многие другие до него, Эрдоган мог бы сохранить безупречную репутацию и остаться в истории как величайший послевоенный лидер нации, если бы с достоинством ушел в отставку после двух сроков. Вместо этого он погряз в конфликтах. Как сказал Ральф Уолдо Эмерсон, каждый герой рано или поздно надоедает.

Когда лидер не может отказаться от атрибутов власти и воспринимает себя и страну как двуединую сущность, это плохой знак для страны. Боливийский социалист Эво Моралес два срока руководил довольно сильной экономикой, а недавно сумел изменить конституцию так, что теперь может баллотироваться в третий раз, и это плохой знак. А нынешние лидеры Бразилии, Малайзии, ЮАР и Венесуэлы были назначены своими предшественниками и часто продолжают их политику. Иные унаследовали власть от родственника или супруга – именно поэтому на амбициозную жену перуанского президента Ольянты Умалы смотрят как на его возможную преемницу, и именно таким путем пришла к власти президент Аргентины Кристина Киршнер.

Если маловероятно, что стареющие режимы дают народу надежду на экономические реформы, то для молодых режимов верно обратное. Рассмотрим еще раз волнения лета 2013 года: в то время в одиннадцати из двадцати одной крупнейшей развивающейся страны правящая партия была у власти менее восьми лет и ни одно из этих правительств не вызвало массовых протестов. Единственным спорным случаем является Египет, где “арабская весна” последовательно смела два режима подряд, но в 2013 году протесты были направлены против военного правительства Абделя Фаттаха ас-Сиси, которого все считали новым воплощением диктаторского режима Мубарака. Коротко говоря, представители среднего класса по всему миру выступали с протестами против режимов, казавшихся им отмирающими, а новым режимам они часто предоставляли возможность проявить себя. И среди этих новых режимов было несколько свежих лидеров, которые, по крайней мере, пытались провести серьезные экономические реформы, – например лидеры Мексики, Филиппин и Пакистана. В этих странах молодые, образованные и только что разбогатевшие средние классы не имели оснований созывать друзей в Твиттере и выходить на улицы. У них – как и у сторонних наблюдателей – были основания полагать, что при новом лидере возможны изменения к лучшему.

Популисты-демагоги и популисты-прагматики

Два важнейших атрибута успешного лидера – это народная поддержка и ясное понимание экономических реформ (или, по крайней мере, готовность делегировать полномочия экспертам, которые знают, что делать). А вот популисты-демагоги, искусно сочетающие популизм и национализм, могут быть политически успешны, но наносят урон своей стране.

Рассмотрим, как под руководством популистов очень разных типов разошлись пути Венесуэлы и соседней Колумбии после финансовых кризисов 1990-х. В 2002 году венесуэльцы выбрали Уго Чавеса, радикального популиста, которого с полным основанием испугалась бизнес-элита. Он внедрил экспериментальный социализм, при котором доходы венесуэльцев продолжили полувековое падение. А в Колумбии в том же самом году выбрали Альваро Урибе, правого популиста, который не только свел баланс, но и сумел подавить многочисленные партизанские мятежи, десятилетиями бывшие основным препятствием для развития страны. Урибе был исключительно популярен как внутри страны, так и за рубежом: во время его первого срока у власти колумбийский фондовый рынок вырос более чем на 1600 % – самый большой рост, который встретился при анализе первого срока всех шестидесяти трех лидеров, когда я изучал реакцию рынка на выборы в развивающемся мире. Однако эта всеобщая вера в будущее Колумбии, похоже, вскружила Урибе голову. Он подпортил свою биографию, попытавшись изменить конституцию дважды: его первая поправка прошла, и он остался на второй срок, а вторая – провалилась, и третьего срока у него не было.

Следует признать, что трудно отличить популистов, знающих, что делать, от не знающих. Встречаясь с иностранными журналистами и глобальными инвесторами, национальные лидеры специально готовятся, чтобы их речь звучала жестко и была насыщена новейшими экономическими терминами. Во время своей поездки в Бразилию в 2005 году я встретился с бывшим губернатором штата Рио-де-Жанейро Антони Гаротиньо, который исходно получил известность как радиопроповедник, а в то время участвовал в президентской кампании и производил большой шум своими антиамериканскими выступлениями. В частной беседе Гаротиньо сообщил мне, что на его агитационные речи не нужно обращать внимания, потому что на самом деле он очень любит американцев и приветствует иностранных инвесторов. На следующий день в бразильской прессе появились публикации о нашей встрече – видимо, это была сознательная утечка, призванная опровергнуть обвинения в том, что, будучи провинциальным политиком без собственной партии, Гаротиньо не готов к работе на общенациональном уровне.

Выборы он все равно проиграл, но я получил представление о том, чего стоят все красивые слова, которые популисты говорят публично или частным образом.

Журналистов специально учат избегать чрезмерной близости с объектами исследования; следовать этому правилу стоит всем, кто работает в области экономики. Впервые соприкоснувшись с высшими кругами власти, легко потерять беспристрастность и способность к критической оценке, но со временем общение с президентами и премьер-министрами позволяет выработать о них единое представление. Политики, достигшие таких высот, являются, как правило, обольстителями высшего класса: они очень умело демонстрируют, что хорошо понимают, как надо реформировать экономику, подобно тому как это делали Путин и Эрдоган десять лет назад.

Отправляясь в марте 2013 года на встречу с лидером Таиланда, я должен был бы настроиться гораздо более скептически. Экономические перспективы страны еще никогда – со времени преодоления азиатского финансового кризиса в конце 1990-х – не выглядели так радужно, и жители Бангкока превозносили своего очаровательного премьер-министра Йинглак Чиннават. Она сумела утихомирить страну после уличных боев между ее деревенскими сторонниками и представителями бангкокской элиты, выгнавшей из страны ее брата и предшественника на посту премьер-министра из-за обвинений в коррупции. Однако этому спокойствию угрожала опасность: ходили слухи, что брат-изгнанник по-прежнему стоит у руля. Поэтому, встретившись с тайским лидером в ее официальной резиденции в деловом центре Бангкока, я спросил ее о брате Таксине. “У вас есть младшая сестра?” – спросила она в ответ. Я ответил, что есть. “И она вас всегда слушается?” Я был очарован, поверил, что она самостоятельный лидер и что Таиланд, наконец, изменяется к лучшему. Но не прошло и нескольких месяцев, как стало ясно, что она готовится амнистировать брата. Это спровоцировало новые волнения и мятеж, который в мае 2014 года привел к смещению Чиннават. Вновь возникшие беспорядки пагубно отразились на экономике Таиланда, и темпы роста страны снизились с 5 % в начале 2013-го до 2 % в 2015-м.

Для образа лидера особенно благоприятно сочетание харизматичности публичной фигуры с вдумчивостью и серьезностью при личном общении. Дэн Сяопин был проницательным реформатором и привлекательной публичной персоной, при этом в личном общении сумел удивить даже такого гостя, как Генри Киссинджер, глубиной своих рассуждений о состоянии дел в министерстве металлургии. Ему сродни новый премьер-министр Индии Нарендра Моди – практик до мозга костей. Таков же и президент Филиппин Нойной Акино, чья обаятельная прямота заставляет простых филиппинцев забыть о том, что он происходит из аристократов-землевладельцев. Акино не любит громких слов; во время нашей встречи в Маниле в августе 2012-го он так долго говорил о водоснабжении Манилы и ловле сардин, что я ушел слегка огушенный. Но потом понял, что, придя к власти вслед за чередой откровенно коррумпированных и некомпетентных лидеров, начавшейся еще с Фердинанда Маркоса, Акино стал именно тем лидером, в котором нуждались тогда Филиппины: настоящий реформатор, без дураков. Не пытаясь блистать, он в итоге убедил меня в том, что Филиппины изменятся к лучшему.

Глобальные рынки часто реагируют негативно на приход к власти левых популистов, не делая различий между безрассудными популистами вроде Чавеса и мудрыми популистами типа Лулы и Эрдогана в их ранние годы. Рынки часто воспринимают всерьез выступления радикальных популистов в ходе предвыборной кампании, не замечая среди них скрытых прагматиков, либо рассчитывают, что в результате выборов реализуются их надежды на реформы, благоприятствующие бизнесу. Я неоднократно наблюдал, как в разгар экономического кризиса рынки делают ставку на приход к власти экономического реформатора, а потом с удивлением обнаруживают, что на выборах победил левый популист. В 2014-м рынки изумила победа на выборах в Бразилии левого кандидата Дилмы Русеф – отчасти потому, что рыночные аналитики упу-

стили из виду один факт: народ, испытывающий экономические трудности, зачастую откликается на смесь национализма и популизма, а не на логику экономической реформы. Повторюсь: кризис повышает вероятность того, что новый лидер сможет провести трудную реформу, но не гарантирует этого. Экономическое будущее страны не подчиняется одному какому-то правилу, и жизненный круговорот – всего лишь часть мозаики, которая помогает предсказывать подъемы и падения государств.

Обманчивые преимущества технократов

Рынки часто благосклонно воспринимают технократов, ожидая, что лидеры, пришедшие из министерства финансов, Всемирного банка или с экономического факультета престижного университета понимают, что нужно для проведения реформ и серьезного роста. Однако технократы редко преуспевают на высших руководящих должностях, потому что им не хватает политического таланта для популяризации реформы, а то и просто для того, чтобы достаточно долго продержаться на посту. Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер выразил общую для технократов проблему, сказав: “Все мы знаем, что нужно сделать, но не знаем, как после этого добиться переизбрания”^[27].

Во время кризиса евро 2010 года несколько стран призвали на помощь лидеров-технократов, которые сделали разумные шаги, но не смогли удержаться у власти. Когда в 2011 году потерпело провал правительство Греции, парламент назначил временно исполняющим обязанности премьер-министра бывшего главу Центробанка Лукаса Пападимоса, полагая, видимо, что автор научной статьи о безработице хорошо подходит для страны, где каждый четвертый – безработный. Пападимос выступал с разумными речами о том, как для восстановления конкурентоспособности Греции нужно серьезно урезать зарплаты и пособия, но не планировал оставаться у власти и через год ушел. Его коллега – временно исполняющий обязанности премьер-министра Чехии бывший глава Чешского статистического бюро Ян Фишер – тоже продержался всего около года, произведя хорошее впечатление на политиков, но не на избирателей: на очередных президентских выборах он набрал всего 15 %.

В разгар кризиса евро технократом, вызвавшим, возможно, самые большие надежды, стал итальянец Марио Монти, экономист по образованию, работавший президентом университета и Европейским комиссаром по налогам. В 2011 году итальянский фондовый рынок резко вырос после сообщения о том, что Монти займет пост премьер-министра. Однако, приняв все меры по введению режима строгой экономии, Монти не сумел убедить народ в их необходимости. Чуть более года спустя он потерял должность премьер-министра, получив на выборах всего 10 %. И только выборы 2014 года, на которых к власти пришел харизматичный тридцатидевятилетний Маттео Ренци, возродили надежду на реформы в Италии.

Список потерпевших неудачу технократов так же велик в авторитарных государствах, где особенно истово верят, что компетентные власти владеют истиной в последней инстанции. Здесь наиболее ярким примером может служить Советский Союз, где псевдонаучный генеральный план внес свой вклад в развал империи. Однако аналогичный провал постиг и другие страны, находившиеся под сильным влиянием советской модели, – причем не только диктатуры-сателлиты типа Восточной Германии, но и некоторые крупные демократические государства вроде Индии под властью партии Конгресса или Мексики времен Институционно-революционной партии, правившей семьдесят один год.

С другой стороны, технократы-советники часто могут сослужить лидерам хорошую службу, если они дают правильные советы, а лидеры готовы этим советам следовать. Викрам Неру, бывший экономист Всемирного банка, иллюстрирует этот тезис рассказом о Бернарде Белле, ведущем специалисте банка в Азии на протяжении 1960-х, когда банк еще выступал с универсальными рецептами процветания. Белл советовал странам, какие нужны реформы для

стимуляции роста, предлагая правительствам целый ассортимент идей, которые в основном открывали путь к процветанию с помощью экспорта, за счет выхода страны на международный рынок. Не каждая страна была готова последовать такому совету. В Индии царили антикапиталистические и антиамериканские настроения, и когда в 1965 году Белл был с визитом в Дели, его комментарии просочились в национальную газету, так что на следующий день была опубликована статья под заголовком: “Берни Белл, ты сдурил”. Позже этим националистическим настроением воспользуется Индира Ганди, встав во главе Индии. Проведенная ею национализация банков и стратегических отраслей, таких как угольная, продлится почти десять лет и приведет к десятилетию самого медленного роста за весь период после получения независимости. Питер Хазлхерст, корреспондент лондонской *The Times*, так охарактеризовал злополучный популизм Индиры Ганди: “Она чуть левее собственной выгоды”^[28].

Вскоре после поездки в Дели Белл дал очень похожие советы захватившему незадолго до этого власть в Индонезии генералу Сухарто и получил совершенно иную реакцию. Его слова произвели на Сухарто такое впечатление, рассказывает Неру, что тот позвонил главе Всемирного банка Роберту Макнамаре и попросил назначить Белла представителем банка в Джакарте. Белл работал в Джакарте в 1968–1972 годы, и вместе с так называемой “мафией из Беркли” – группой индонезийских технократов, получивших образование в США, – помог за двадцать лет трансформировать беднейшую страну в азиатское мини-чудо.

Поэтому для технократов лучший путь к успеху – это сотрудничество с авторитарным режимом наподобие режима Сухарто, который может просто командовать, не добиваясь всемирной поддержки. В 1970-е успешной технократией была Чили, когда диктатура генерала Аугусто Пиночета поручила проведение реформ “чикагским мальчикам” – восьми чилийским экономистам, получившим образование в Университете Чикаго. Им удалось взять под контроль гиперинфляцию, социальные расходы и долговую нагрузку, минимизировав экономические тяготы за счет жесточайшего подавления политической оппозиции. Корея и Тайвань в свои ранние авторитарные годы тоже были экономически успешными технократиями, как и Сингапур с Китаем.

Но технократы могут принести стране больше вреда, чем пользы, если пытаются протолкнуть теоретически заманчивые реформы, не учитывая местную специфику. В Аргентине в 1990-е президент Карлос Менем попытался повторить успех “чикагских мальчиков”, назначив собственных экспертов, получивших образование в США. Они внедрили экспериментальную систему валютного контроля, которая помогла на некоторое время стабилизировать аргентинское песо и восстановить рост, но в итоге привела к огромному национальному долгу и глубокой депрессии, начавшейся в 1998-м. Аргентина вступила в четырехлетний период, в течение которого экономика сократилась почти на 30 %, а в 2002-м произошел дефолт при долге в размере 82 млрд долларов – на тот момент это был рекордный дефолт по суверенному долгу. В результате общество прониклось недоверием к технократам, вынашивающим планы экономических реформ.

Таким образом, Аргентина, похоже, присоединилась к тем редким странам, где долгие годы продолжался спад, но при этом сохранялись остатки благополучия, позволявшие делать вид, что кризис на этих странах не сказался. В последнее время к этой категории относятся также Япония и Италия – страны с быстро стареющим населением и отстающей от конкурентов экономикой, но по-прежнему достаточно богатые и относительно свободные от задолженностей перед иностранцами, которые могли бы принудить их к реформам. Когда я приехал в Буэнос-Айрес в апреле 2015-го, экономика рушилась, а уровень инфляции превышал уровни всех крупных стран и официально составлял 30 %. Ожидая застать столицу в кризисе, я вместо этого увидел шумную вечеринку в гостинице и заполненные посетителями уличные площадки ресторанов вечером в среду. Аргентинцы сказали мне, что кризис почти не чувствуется и стремления к переменам практически нет – многие сохранили горькие воспоминания о

депрессии конца 1990-х, считая ее результатом прошлой попытки провести в стране серьезные реформы.

Даже в Центробанке мне показали презентацию, в которой игнорировалась как текущая рецессия, так и медленное выпадение Аргентины из разряда развитых стран, а упор делался на том, насколько улучшилось положение по сравнению с 2002 годом – нижней точкой депрессии. В стране, настолько привыкшей к кризисам, даже длительного ухудшения положения оказалось недостаточно, чтобы заставить ее жителей стремиться к переменам. Когда-то аргентинцы рассматривали Буэнос-Айрес как южноамериканский Париж, теперь же они говорили о преимуществах своей страны перед соседями помельче, вроде Парагвая. Однако и в Аргентине ситуация меняется. Неожиданный успех на ноябрьских выборах 2015 года Маурисио Макри, лидера, нацеленного на реформы, может свидетельствовать о том, что аргентинцы устали от стагнации.

Китай – совершенно иной пример успешной технократии, которая, возможно, становится слишком уверенной в своей способности управлять экономическим ростом. В течение многих лет Китай сообщал о гораздо менее волатильном экономическом росте, чем в других развивающихся странах, что заставляло подозревать его в манипуляции цифрами ради создания впечатления, что экономика работает, как хорошо отлаженный механизм, и поддержания гармонии в обществе. Долгое время я считал, что эти подозрения преувеличены. Когда в 1979 году Дэн Сяопин пришел к власти, он первым делом сообщил подчиненным, что хочет получать подлинную информацию, а не те показушные цифры, которые скармливали Мао, оберегая его самолюбие. Даже в 1990-м, после событий на площади Тяньаньмэнь, режим Дэна сообщал о росте менее 4 %, намного меньше официального целевого показателя в 8 %. И еще совсем недавно – в 2003 году – выбранные лично Дэном его столь же прагматичные преемники публично критиковали провинциальных руководителей за преувеличение местных показателей роста ради собственной карьеры. Конечно, именно так и должна работать технократия – объективно.

Однако китайское правительство все дальше отходило от этого идеала, манипулируя числами ради решения политических задач. В телеграмме, обнародованной в 2010 году Викиликс, сообщалось, что китайский премьер Ли Кэцян, отметив, что официальные данные по ВВП “сфабрикованы”, запросил более надежную информацию по банковским кредитам, железнодорожным грузоперевозкам и потреблению электроэнергии для определения реальных темпов роста. Тогда независимые экономисты стали вычислять эти данные как индекс Ли Кэцяна, который показал, что в последние годы реальный рост значительно отстает от целевого. Тем не менее с середины 2012 года власти не только ежегодно, но и ежеквартально сообщали о росте, отличающемся от намеченных 7 % лишь десятыми долями.

Такая точность кажется неправдоподобной даже для столь успешных до недавнего времени пекинских творцов экономики. Со средним доходом порядка десяти тысяч долларов Китай достиг той стадии развития, на которой даже предыдущие чудо-экономики Восточной Азии начинали замедляться со скорости в виде двузначных чисел до 5–6 %. Пекин, похоже, заиклился на достижении темпов роста, нереальных для страны со средним доходом. В июле 2013 года один из высших китайских руководителей объявил, что власти не будут “приветствовать” темпы роста ниже “пороговых” 7 %, как будто возможно запретить спады в экономике объемом в восемь триллионов долларов. Пытаясь предотвратить это естественное замедление, Пекин прибегает ко все более активным манипуляциям. Опаснее всего то, что с 2008 года было выдано кредитов на сумму в двадцать триллионов долларов и эти чудовищные объемы грозят погубить экономику.

Причина всех этих манипуляций – технократическое, политическое стремление достичь целевых показателей роста, которые более не имеют смысла. Целевые показатели, видимо, были получены в результате вычисления того, с какой скоростью должен расти Китай для удво-

ения ВВП к 2020 году. Этот план не имеет под собой экономических оснований и напоминает о волюнтаристских целях, которыми руководствовался Советский Союз, стремясь догнать Запад. Все мы знаем, чем закончилась эта попытка. Обеспечить бесконечный период быстрого роста без спадов в бизнес-цикле попросту невозможно, и пекинским технократам следует это усвоить.

Когда говорят пули, бюллетени молчат

В результате эффектного тридцатилетнего взлета Китая распространилось убеждение, что автократии успешнее, чем демократии, способны генерировать долгие периоды роста, – миф, опирающийся не столько на сами успехи Китая, сколько на их освещение. Уильям Истерли, специалист по развитию из Университета Нью-Йорка, проанализировал публикации в *The New York Times* за период 1960–2008 годов и обнаружил, что газета напечатала около шестидесяти трех тысяч статей об автократических правительствах, причем примерно в сорока тысячах упор делался на успехи и только в шести тысячах – на неудачи. Не все статьи были посвящены Китаю, но такой перекос в освещении автократий мог создать впечатление, что китайский авторитарный капитализм – модель, которой стоит следовать развивающимся странам, особенно на ранних этапах.

Автократы действительно иногда достигают успеха. Авторитарные правители часто игнорируют или преодолевают сопротивление законодателей, судов или отдельных лобби, и это могущество позволяет дальновидным лидерам достигать большего, чем их демократическим соперникам. Авторитарные лидеры – от президента Пак Чон Хи, правившего Южной Кореей большую часть 1960-х и 1970-х, до Чан Кайши и его сына, руководивших Тайванем с 1949 по 1978 год, – сумели создать чудо-экономики, продержавшиеся продолжительное время. Автократы способны подавить любых лоббистов и всякое сопротивление головокружительному развитию, поскольку угроза расстрела держит людей в узде. Они могут направить частные накопления на рост промышленных отраслей и игнорировать требования повышения зарплат так, чтобы эти отрасли выигрывали в глобальной конкуренции. И – возможно, главное – экспроприация земли для строительства автодорог, портов и других базовых для современной экономики сооружений автократам дается намного лучше, чем демократам.

Однако, поскольку автократы не сталкиваются ни с какими сдержками и противовесами и не встречают противодействия в ходе выборов, они могут отклониться от верного курса, о чем им никто не скажет, а также оставаться у власти бесконечно долго, что чаще всего имеет негативные последствия для экономики. При авторитарных режимах опасность старения лидеров выше, чем при демократических, которые каждые четыре – шесть лет дают народу возможность в ходе честных выборов сменить лидеров. Как указывает Истерли, на каждый продолжительный период 10 %-го роста, обеспеченного Дэн Сяопином, приходится несколько долгих периодов стагнации при Кастро на Кубе, Киме в Северной Корее или Мугабе в Зимбабве. Наиболее длительный экономический ущерб засидевшиеся лидеры обычно наносят в авторитарных странах, в которых механизм отклика на народные требования перемен или смены лидеров гораздо менее гибкий^[29]. Если авторитарный режим вынужден проводить выборы, он теряет способность форсировать быстрый рост, но получает стимул способствовать естественному росту, например за счет уважения прав собственности или отказа от государственных монополий.

Что касается обеспечения устойчивого роста, то и демократическая и авторитарная системы имеют свои преимущества и недостатки – ни та, ни другая не дает явного выигрыша. Я изучил статистику за каждое из трех последних десятилетий, и за это время было сто двадцать четыре случая, когда ВВП страны десять лет подряд рос со скоростью выше 5 %. Из них шестидесят четыре приходятся на демократические режимы, а шестидесят – на авторитарные.

Поэтому нет никаких оснований считать, что у авторитарных режимов в целом более радужные перспективы роста – несмотря на широко распространенное восхищение командным капитализмом китайского толка.

Более того, эти средние показатели скрывают серьезный изъян авторитарных режимов: они с большей вероятностью дают экстремальные результаты, демонстрируя более резкие перепады между периодами очень быстрого и очень медленного роста. В послевоенное время периоды как сверхбыстрого, так и сверхмедленного роста приходится в основном на авторитарные режимы⁹. Наиболее точная информация имеется в отношении ста пятидесяти стран начиная с 1950 года, и согласно ей наблюдалось сорок три случая сверхбыстрого роста, когда экономика в течение целого десятилетия росла со среднегодовой скоростью в семь и более процентов. В тридцати пяти случаях из этих сорока трех страной правил авторитарный режим. Сюда относятся некоторые из чудо-экономик, такие как Корея, Таиланд и Китай, которые смогли поддерживать высокие темпы роста в течение нескольких десятилетий. Но сюда же входят и многие “исчезнувшие достижения”, когда в течение одного десятилетия достигался сверхбыстрый рост, а в следующее десятилетие успехи сходили на нет: в Венесуэле в 1960-е, в Иране в 1970-е, в Сирии и Ираке в 1980-е.

Страны, управляемые авторитарными властями, намного более подвержены и продолжительным спадам. В той же самой группе из ста пятидесяти стран за период с 1950 года было сто тридцать восемь периодов исключительно медленного роста, когда среднегодовой рост ВВП в стране составлял менее 3 % на протяжении десяти лет. И сто из этих ста тридцати восьми периодов относятся к странам с авторитарными режимами, начиная с Ганы в 1950-е и 1960-е, Уганды в 1980-е, Саудовской Аравии и Румынии в 1980-е и до Нигерии в 1990-е. В целом с 1950 года авторитарные режимы были у власти в трех из четырех стран, демонстрировавших рост выше 7 % или ниже 3 % в течение целого десятилетия.

Самый кошмарный сценарий для любой страны – это скачки экономики от подъема к спаду, когда годы сверхбыстрого роста чередуются с глубокими рецессиями. Оказывается, этот кошмар встречается поразительно часто. Снова обратившись к истории начиная с 1950 года, я обнаружил тридцать шесть стран, у которых за шестьдесят пять лет встретилось по меньшей мере девять отдельных лет роста выше 7 % и девять отдельных лет с отрицательным ростом. Коротко говоря, эти страны провели значительную часть послевоенного периода в таких бурных переходах от подъема к спаду и обратно, что обычным гражданам было невозможно вести нормальную жизнь. Существенными для этого списка являются два момента: во-первых, тридцать четыре из этих тридцати шести стран относятся к развивающемуся миру – свидетельство в пользу связи между слабостью институтов в развивающемся мире и волатильностью роста. Исключениями являются Исландия и Греция, хотя по некоторым замерам Греция недавно вернулась в категорию развивающихся стран. Во-вторых, двадцать семь из тридцати шести стран управлялись авторитарными режимами большую часть из шестидесяти пяти лет наблюдений. Таким образом, значительное большинство этих “вибрирующих” экономик управлялись авторитарными режимами, и результатом стала долгосрочная стагнация.

Например, страны, постоянно находившиеся под властью авторитарных режимов, такие как Иран, Эфиопия, Ирак, Иордания, Сирия, Камбоджа и Нигерия, начиная с 1950 года провели не менее пятнадцати лет каждая в условиях роста, превышавшего 7 %. Тем не менее подушевые доходы в них выросли от силы в 2–3 раза, и только в Иране и Иордании среднедушевой доход превысил четыре тысячи пятьсот долларов, потому что годы подъема были загублены почти таким же количеством лет спада. Даже в Иране среднедушевой доход составил всего

⁹ Чтобы определить, управлялась ли страна в указанный период авторитарным режимом, я опирался на стандартный критерий различия между авторитарными и демократическими режимами: базу *Polity IV*. Составляемая виргинским Центром систематизированного мира (*Center for Systemic Peace*), она оценивает режимы ежегодно.

одиннадцать тысяч долларов, потому что двадцать три года сверхбыстрого роста были в значительной мере испорчены девятью разрозненными годами отрицательного роста.

В нескольких самых худших случаях одна несчастная страна прошла через экстремальные подъемы и спады под властью одного и того же долго стоявшего у власти правителя. Иордания – это конституционная монархия, которой за последние шестьдесят два года управляли всего два хашимитских короля, Хуссейн и Абдулла, и более половины этих лет были годами исключительно быстрого или медленного роста. Еще хуже оказался президент Роберт Мугабе, герой освободительного движения, обернувшийся камнем на шее Зимбабве. Он пробыл у власти тридцать пять лет, причем больше половины этого срока пришлось на годы сверхбыстрого или сверхмедленного роста. Экономическая жизнь Зимбабве при Мугабе была невообразимо сумбурной: вплоть до 2008 года – десять лет подряд негативного роста, а затем обманчиво резкий скачок вверх с уровня, который был просто ниже некуда. В итоге Зимбабве сегодня беднее, чем была, когда Мугабе пришел к власти.

Но это еще не худший вариант развития экономики при авторитарном режиме. Хафез Асад правил Сирией тридцать лет, до 2000 года, и почти две трети этого периода были годами исключительно быстрого или медленного роста, где большинство хороших лет пришлось на нефтяной бум 1970-х и 1980-х. А победитель среди лихорадивших экономических лидеров последних десятилетий – Саддам Хуссейн, который руководил Ираком двадцать пять лет, кончая 2003-м, и три четверти этих лет были годами быстрого роста, перемежавшимися несколькими войнами и самыми дикими скачками в истории. Экономический рост Ирака подскакивал до 40 % в 1993-м и 1996-м, а в промежутке падал до минус 20 %. Это авторитарная лихорадка в действии.

Конечно, Мугабе и Саддам Хуссейн входят в число наиболее печально знаменитых авторитарных правителей последних десятилетий; однако похожие сценарии, пусть и не с такими резкими подъемами и спадами, развертывались и при менее известных режимах. Например, в Бразилии в 1964 году военные подняли мятеж и, свергнув все больше левееющее правительство, занялись срочным развитием экономики – путем упразднения бюрократии, создания Центрального банка, снижения дефицита бюджета и сокращения налогов на экспорт. Экономический рост повысился с менее чем 5 % до двузначных чисел, пока в 1974 году не произошло первое резкое падение цен на нефть. Военное правительство, все более ожесточавшееся в ходе яростных атак на критиков как внутри страны, так и за рубежом, попыталось развить успех. Оно начало брать все большие займы, увеличив внешний долг до неподъемного размера, а в 1979 году цены на нефть снова упали. Экономика скатилась в рецессию и разгонявшуюся инфляцию, но лишь в 1984 году хунта согласилась провести выборы. В некоторых отношениях страна так и не оправилась от последствий привычки правительства вмешиваться в экономику, оставшейся в наследство от военных, и отношение ее подушевого дохода к доходу в США осталось на уровне 1970-х.

Демократии же, напротив, превалируют в списке стран, в которых с 1950 года было меньше всего лет быстрого роста. Например, у Швеции, Франции, Бельгии и Норвегии, вместе взятых, был только один год, когда рост экономики превышал 7 %. Это произошло во Франции в 1960 году. Однако с 1950-го в этих четырех европейских демократиях подушевой доход вырос в пять-шесть раз, и его минимальное значение составляет тридцать тысяч долларов. Одна из причин в том, что в этих странах редко случались целые годы негативного роста. Больше всего таких лет было во Франции – семь, а меньше всего в Норвегии – два. Это стабилизирующий эффект демократии в действии, и он распространился на развивающиеся страны, такие как Колумбия и ЮАР, которые тоже имеют высокие уровни демократичности правления и в которых было мало лет быстрого роста.

История резких подъемов и спадов должна заставить задуматься любую страну, когда-либо мечтавшую о твердой руке. В последние десятилетия многие экономически неблагопо-

лучные страны надеялись на сильную личность, которая восстановит процветание. Однако в долгосрочном плане стабильный продолжительный рост более вероятен при демократическом лидере, у которого нет возможностей для того, чтобы организовать эффективные успехи или провалы. Даже автократы, поначалу приведшие свои страны к долгим периодам быстрого роста, в итоге зачастую превращаются в хищных защитников статус-кво, попирая права собственности для обогащения собственного клана, не давая никому, кроме друзей “большого босса”, участвовать в развитии экономики. Именно поэтому многие демократические страны законодательно ограничили сроки пребывания у власти, чтобы воспрепятствовать застою режима и расцвету коррупции.

И именно это – одна из причин (часто не принимаемая во внимание) успешного функционирования Китая после ухода Дэн Сяопина с поста двадцать лет назад. Хотя Дэн и не был демократом, он понимал проблему стареющего руководства и установил ограничения на возраст и сроки пребывания у власти, которые ныне не позволяют даже высшему руководству страны оставаться у власти вечно. Два раза по пять лет – и все. Это отличает Пекин от других автократий, которые – как Вьетнам – пытаются копировать его модель, но не соблюдают его правила. В 2015 году премьер-министру Нгуен Тан Зунгу стукнуло шестьдесят пять, и возрастное ограничение для вступления в должность высокого уровня было без особого шума поднято до шестидесяти семи – возраста, устранявшего всех основных соперников Зунга, но не его самого. Говорили, что он переходит на пост генерального секретаря коммунистической партии. Зунг был у власти уже десять лет, и, избавившись таким образом от основных соперников, он мог бы, по словам местного источника, стать самым могущественным и дольше всех продержавшимся руководителем Вьетнама за “несколько сот лет” – если бы занял этот новый пост.

И снова о круговороте жизни

Жизненный круговорот – это закон политики, не науки. Он говорит нам, что вероятное время и направление изменений зависят отчасти от того, на какой стадии кризиса, реформы, подъема или спада находится страна. Подобно любым формам жизни, мировая экономика проходит циклы упадка и возрождения; какое-то время ее энергия рассеяна и бесформенна, а затем концентрируется и принимает новые формы. Политическая жизнь современных стран проходит аналогичный круг, взрываясь во время кризиса, чтобы перегруппироваться и возродиться, прежде чем снова умереть. Жизненный круговорот помогает объяснить, почему лишь малому числу развивающихся стран удается расти достаточно быстро и долго, чтобы влиться в ряды стран развитых. Он также помогает осознать, почему, когда стране удастся сделать такой скачок, это называют “чудом”: им удалось победить самодовольство и застой, уничтожающие большинство продолжительных подъемов.

С начала кризиса могут пройти долгие годы, прежде чем появится лидер, имеющий потенциал для проведения экономических реформ, но даже его появление всего лишь повышает вероятность серьезного роста. Сумеет ли новый лидер провести реформы, и приведут ли они к быстрому росту – это зависит от множества других факторов. Возможны самые разнообразные проколы, особенно когда неблагоприятные глобальные условия затрудняют развитие всех экономик.

Даже в худшие периоды всеобщей стагнации и волнений жизненный круговорот продолжается, преобразуя – пусть и медленно – золу кризиса в ростки реформ. В 2011 году серия народных волнений, получившая название “арабская весна”, началась с восстания в Тунисе, толчком к которому послужило самосожжение уличного торговца, не получившего официальной лицензии у коррумпированных бюрократов. Недовольство арабского мира продолжительными экономическими неурядицами привело к тому, что протест против старею-

ших диктаторов перекинулся из Туниса в Египет и далее в Сирию. Однако вскоре “весна” стала восприниматься негативно, когда на смену свергнутым автократам пришли новые, как было в Египте, или гражданская война и полный хаос, как случилось в Сирии, Ливии и Йемене. Надежда на то, что этот кризис приведет к расцвету демократии, переходу к свободному рынку и экономическому процветанию, сменилась безнадежностью в отношении будущего всего региона – за удивительным исключением Туниса. В конце 2014 года в Тунисе завершилась первая в регионе “послевесенняя” мирная передача власти новому президенту, который обещал сосредоточить усилия на реформе экономики.

“Арабская весна” стала экстремальным проявлением правила: большой кризис всегда породит новых крупных реформаторов, хотя не всем из них удастся реально провести реформы. Как писал в 2011 году профессор Университета Джорджа Мейсона Джек Голдстоун в своей статье в *Foreign Affairs*, мятежи “арабской весны” были направлены против особенно коррумпированной категории “султанов”, которые, в отличие от других монархов, не опирались на законность, а правили исключительно за счет устрашения народа и поощрения своих приспешников. Диктаторские режимы Мубараков в Египте, Асадов в Сирии и Бен Али в Тунисе относятся к разряду “султанистских режимов”, в который входили режимы Чаушеску в Румынии, Дювалье в Гаити, Маркосов в Филиппинах и Сухарто в Индонезии. Эти семейные диктаторские режимы вызвали отторжение как узурпаторские; их падение характеризуется образующимся в итоге вакуумом власти. Возникающий хаос может отсрочить формирование нового стабильного режима лет на пять, а то и дольше, если разразится гражданская война, утверждает Голдстоун. В свете этого переход Туниса к относительно стабильному новому правительству кажется необычайно быстрым. Оставшаяся часть арабского мира следует более типичному шаблону; на деле там может понадобиться намного больше пяти лет, прежде чем ткань общества начнет восстанавливаться.

Стадии жизненного круговорота хорошо известны. Тот факт, что кризис и бунт могут принудить элиты к реформированию даже вопреки их желанию, был ясен по меньшей мере со времени первых критиков Маркса, считавшего, что капиталистическое общество погибнет в ходе последовательности все более яростных попыток защитить высшие классы. Вместо этого, столкнувшись с экономическими депрессиями конца XIX и начала XX веков, политические лидеры продемонстрировали способность реформировать либеральный капитализм, отражая народные мятежи с помощью создания государства всеобщего благоденствия, начиная с Германии и Великобритании. Связь между временами подъема и политического самодовольства тоже хорошо описана на примерах современной Японии и Европы, про которые часто говорят, что они слишком комфортно богаты, чтобы проводить жесткие реформы. Гораздо меньше известно, что даже в более нормальные периоды жизненный круговорот продолжается, постоянно формируя и реформируя экономики то в лучшую, то в худшую сторону.

Суть этого круговорота неплохо передана в излюбленном высказывании бывшего министра финансов Индонезии Мухаммада Хатиба Басри: “Плохие времена порождают хорошую политику, а хорошие – плохую”. Как говорил мне Басри, в его стране это правило подтверждалось неоднократно, включая время его пребывания в должности при Сусило Бамбанге Юдойоно, широко известного под аббревиатурой СБЮ, который был президентом в 2004–2014 годах. Во время своего первого срока СБЮ помог преодолеть политическую нестабильность первых лет после Сухарто, но в свой второй срок он стал самодоволен, несмотря на растущий государственный дефицит. Басри говорит, что неоднократно советовал СБЮ решить проблему путем сокращения расходов на энергетические субсидии; президент отреагировал незначительными сокращениями, когда летом 2013 Индонезии угрожал валютный кризис, но отказался от реформ, когда позже в том же году кризис миновал. По словам Басри, на уговоры продолжить сокращение субсидирования президент ответил: “Зачем? В стране уже все наладилось”.

Круговорот происходит неравномерно даже в демократиях, где выборы проводятся постоянно. Самоуспокоенность может длиться годами, что помогает понять, почему “потерянное десятилетие”, поразившее Японию и многие страны Латинской Америки, часто продолжается дольше десяти лет. С другой стороны, бывает, что очень волевые лидеры или страны проводят реформы в течение многих десятилетий, но так происходит только в редких случаях чудо-экономик, к которым относятся Корея и Тайвань – и Япония, до того как в 1990-м начались ее потерянные десятилетия.

Кредитный кризис 2008 года был достаточно глубок, чтобы обеспечить реформаторам народную поддержку, и, действительно, на последующих выборах появилось много мощных кандидатов. Многие пришли к власти только после 2010 года, когда круги от кризиса разошлись далеко по миру и глобальный спад перекинулся с богатых стран на развивающиеся. В декабре 2012-го к власти пришел Энрике Пенья Ньето, обещавший устранить монополии, долгое время душившие экономику Мексики. В том же месяце занял свой пост и Синдзо Абэ, вдохновивший японских наблюдателей своим решительным планом положить конец стагнации, засасывавшей его страну на протяжении жизни целого поколения. На следующий год в Исламабаде пришел к власти реформатор Наваз Шариф, сделавший пакистанский фондовый рынок самым популярным среди инвесторов в 2013 году. В феврале 2014 года итальянские выборы выиграл Ренци. В следующем месяце одержал оглушительную победу Нарендра Моди, породивший серьезные надежды, что он сможет превратить Индию в новый Китай, обеспечив почти двукратные темпы роста.

Пока рано говорить, станет ли кто-то из этого нового поколения Тэтчер или Кимом, отчасти потому что успех реформатора зависит не только от правильной политики, но и от удачи. Какой бы правильной политики ни придерживался реформатор, для обеспечения устойчивого роста необходимо совпадение множества других факторов. По состоянию на 2015 год все новые лидеры столкнулись с невезением: они вынуждены возрождать национальную экономику в условиях самого слабого глобального восстановления экономики за всю послевоенную историю.

Таким образом, опыт показывает, что политика имеет значение для экономического роста и что судьба страны с большей вероятностью повернется к лучшему, когда после кризиса к власти приходит новый лидер, – и наоборот, при старом лидере, задержавшемся во власти, более вероятен поворот к худшему.

Глава 3

Хорошие и плохие миллиардеры

Мешает ли неравенство росту?

Растущий разрыв между сверхбогатыми и всеми остальными к 2015 году стал всемирной головной болью, но ни в одной стране лидер не предпринял таких яростных усилий по перераспределению богатств, как Мишель Бачелет в Чили. Когда я приехал в Сантьяго в апреле 2015-го, ее сторонники обещали изничтожить модель бедного правительства и низких налогов, следуя которой, Чили стала одной из самых богатых стран и одновременно самым неравноправным обществом в Латинской Америке. И Бачелет была готова выполнить эти обещания. Следуя лозунгам студенческого протестного движения, которое привело к падению ее предшественника – Себастьяна Пиньеру, она предлагала усилить правительство, увеличив его расходы на помощь бедным и повысив корпоративные налоги ради обеспечения всеобщего бесплатного высшего образования. Опасаясь усиления роли государства, руководители корпораций, с которыми я разговаривал, напуганные шумной популистской риторикой Бачелет, значительно сократили свои инвестиции в Чили. Резкое падение инвестиций привело к замедлению роста ВВП до менее чем 3 %, при том что во время правления Пиньеры он в среднем был около 6 %. Я подумал, что интересно было бы услышать мнение Пиньеры, одного из богатейших чилийцев, – миллиардера, сделавшего состояние на выпуске кредитных карт, – о том, куда приведет эта решительная борьба с неравенством.

Он переехал в скромный офис, упрятанный в ничем не примечательную высотку в Сантьяго, откуда и управляет своим состоянием. Удивляет полное отсутствие в его окружении телохранителей и систем безопасности, которые защищают многих латиноамериканских магнатов. При том что собственная безопасность Пиньеру не волновала, его очень беспокоила политическая линия Бачелет. Для борьбы с неравенством, объясняет он, страна должна делать две вещи: перераспределять пирог и одновременно увеличивать его. В годы его правления делалось и то и другое. И неравенство действительно снижалось¹⁰, уверяет он, но не настолько быстро, чтобы протестующие успокоились. Теперь же Бачелет демонстрирует, что если в хорошие времена направить все усилия на перераспределение богатства, то это может резко замедлить рост и сделать всех беднее. “Долгая история Латинской Америки показывает, – сказал мне Пиньера, – что в хорошие времена страны влевеют, а в плохие – правеют”.

Эта закономерность наблюдается не только в Латинской Америке. В развивающемся мире неприязнь общества к обособившемуся классу магнатов весьма часто приводила к власти популиста-подстрекателя, сосредоточенного на политике перераспределения, которая может привести к развалу экономики. В крайних случаях популисты-демагоги экспроприируют в пользу государства частные компании и фермы, запрещают иностранные инвестиции, поднимают до запредельного уровня налоги во имя помощи бедным, расширяют административный аппарат и щедро выделяют неэффективные субсидии, в частности для обеспечения населения дешевым топливом. Этот базовый набор политических решений, смертельных для экономического роста, лежит в основе программ популистов во многих неравных обществах, в том числе таких постколониальных деятелей, как Роберт Мугабе в Зимбабве, Кеннет Каунда в Замбии,

¹⁰ Пиньера был у власти с 2010-го по начало 2014 года, и данные Всемирного банка показывают, что индекс Джини, отражающий степень неравенства доходов в стране, для Чили упал с 52 в 2009 году до 50,45 в 2013-м.

Джулиус Ньерере в Танзании, Ким Ир Сен в Северной Корее, шейх Муджибур Рахман в Бангладеш и Зульфикар Али Бхутто в Пакистане.

Особенно печальную известность приобрели африканские лидеры: находясь у власти более трех десятилетий, Мугабе все решительнее передавал собственность белой элиты чернокожему большинству, но выигрывало от этого, как правило, его ближайшее окружение. В 2000 году он принялся заменять белых фермеров новыми чернокожими владельцами, многие из которых были совершенно несведущи в сельском хозяйстве. Это привело к краху сельскохозяйственного производства и превратило страну – экспортера продовольствия в нетто-импортера. Безработица превысила 90 %, разразилась гиперинфляция, при которой цены удваивались каждые 24 часа. В результате местная валюта настолько обесценилась, что одно яйцо стоило миллиарды зимбабвийских долларов, а за один доллар США требовали 35 квадриллионов. В конце концов Мугабе в 2015 году отменил зимбабвийские доллары, и теперь в его стране имеет хождение смесь иностранных валют – от американских долларов до южноафриканских рандов.

Режим Мугабе – почти карикатурный пример того, как упор на перераспределение без экономического роста может подорвать доверие к местной экономике; однако похожие процессы происходили во многих странах на всех континентах. В Пакистане Зульфикар Али Бхутто сформировал свою Народную партию в 1960-х, а в 1971 году сумел прийти к власти после унижительного военного поражения Пакистана в войне против Индии. Принявшись выполнять свои обещания по сглаживанию неравенства, он наложил ограничения на размеры земельных участков для частных владельцев и национализировал целые отрасли – от финансовой и энергетической до производственных. Результат – коррупция, гиперинфляция и снижение уровня жизни.

Такое же стремление использовать государственную власть для перераспределения богатства проявили в более умеренных формах лидеры недавнего времени, включая Джозефа Эстраду в Филиппинах в конце 1990-х, Таксина Чиннавата в Таиланде в 2000-е и еще позже – Мишель Бачелет. Эстрада прорвался к власти в 1998 году при поддержке сельских избирателей, чувствовавших себя обделенными в ходе приватизации, которая способствовала экономическому росту, но в основном в городах. Эстрада принял обычные уравнилельные меры: передал землю фермерам-арендаторам, повысил социальные расходы, что привело к росту государственного долга и дефицита, подтолкнуло инфляцию и привело к росту протестного движения, которое и свергло его после трех лет пребывания у власти.

Пожалуй, саморазрушительный популизм был особенно ярко выражен в Центральной и Южной Америке вследствие высокого уровня неравенства – наследия колониальной эры. После обретения странами этого региона независимости европейские элиты сумели не потерять здесь политическую и экономическую власть, а консолидировать ее. Такая концентрация власти и богатства спровоцировала появление популистов, обещавших радикальное перераспределение, начиная с Фиделя Кастро на Кубе в конце 1950-х. Процесс продолжил Хуан Веласко в Перу в конце 1960-х, Луис Эчеверриа Альварес в Мексике в 1970-е, Даниэль Ортега в Никарагуа в 1980-е, Уго Чавес в Венесуэле в конце 1990-х и Нестор Киршнер в Аргентине в 2000-х. Например, Эчеверриа принял власть после администрации, которая уделяла основное внимание развитию новых отраслей, что привело к возникновению разрыва в доходах между жителями городов и сельской местности (как часто бывает на ранней стадии индустриализации). Стремясь сократить этот разрыв, Эчеверриа повысил продовольственные субсидии, ограничил иностранные инвестиции, передал землю крестьянам, а также национализировал шахты и электростанции. Эта бурная деятельность напугала иностранных инвесторов, побудила мексиканцев вывести капиталы за границу и привела к кризису платежного баланса, перебоям в подаче электроэнергии, росту безработицы и инфляции и снижению темпов роста. А когда начались волнения, страну покинули туристы.

Именно это деструктивное “полевение” имел в виду Пиньера, обеспокоенный тем, что оно докатилось и до его страны. Обычные ритмы латиноамериканского популизма обходили Чили стороной начиная с 1970-х, когда режим диктатора Аугусто Пиночета продемонстрировал: открыв страну иностранной торговле и инвестициям, избавившись от бюрократии, поставив для обуздания инфляции под контроль долговую нагрузку и дефицит и приватизировав государственные предприятия и систему пенсионного обеспечения, можно обеспечить высокий и устойчивый рост. Захватив власть в результате путча, Пиночет жесточайшим образом подавил оппозицию, что оттолкнуло от него многих чилийцев. Его кровавый режим продержался семнадцать лет и закончился в 1990-м. Тем не менее экономическое наследие Пиночета сохраняется, хотя некоторые обвиняют его в том, что его политика посеяла семена неравенства. В последующие двадцать лет чилийцы не подпускали к власти правые партии, ассоциировавшиеся с Пиночетом, и выбирали левых лидеров, но все они продолжали следовать политике финансовой стабильности. Это распространялось и на первый срок Бачелет (2006–2010). И даже когда она вернулась к власти в 2014 году, Бачелет, по крайней мере, не нарушала правил финансовой дисциплины, установленных Пиночетом, предлагая повысить как расходы на помощь бедным, так и налоги для оплаты этих расходов.

Однако популистская риторика Бачелет отпугнула инвестиционные доллары, столь необходимые Чили для развития новых источников роста. Средний доход в стране достиг твердого уровня среднего класса в 15 000 долларов, но рост экономики по-прежнему обеспечивался в основном за счет экспорта сырьевых товаров, таких как медь, в то время как мировые цены на медь резко падали. Оттолкнув инвесторов, необходимых Чили для выхода за пределы экспорта сырья, Бачелет невольно препятствует экономическому прогрессу – предсказуемое следствие народных призывов к перераспределению богатства.

Основной вопрос: опасно ли неравенство для экономики? Это один из тех вопросов, которыми должно заниматься скорее искусство политики, чем экономическая наука. Неравенство начинает отчасти угрожать росту, когда у населения возникают сомнения в способах накопления богатства. Если предприниматель создает новые продукты, которые приносят пользу потребителям, или строит заводы и дает людям работу, то такой способ создания богатства, как правило, не вызывает возражений. Если же магнат зарабатывает состояние, ублажая политиков и получая правительственные контракты или, того хуже, пользуясь папиными связями, то возникает массовое недовольство и народ сосредоточивается не на создании богатства, а на его перераспределении.

Наиболее тщательные статистические измерения неравенства могут дать общее представление о ситуации в стране, но эти данные обновляются слишком редко, чтобы по ним можно было оперативно отслеживать быстро меняющиеся общественные настроения. Самый распространенный показатель неравенства доходов, коэффициент Джини, оценивает страну по шкале от 1 до 0: единица соответствует абсолютному неравенству, когда все доходы достаются одному человеку, а ноль – обществу, где у всех равные доходы. Но коэффициент Джини вычисляется учеными на основании официальных данных с помощью различных методов, публикуется нерегулярно и охватывает непостоянный набор стран. Не существует источника более свежих данных для сравнения стран между собой, чем Всемирный банк, но имеющийся у него на середину 2015 года коэффициент Джини для Чили относится к 2011 году, для США – к 2010-му, для России – к 2009-му, для Египта – к 2008-му, а для Франции – к 2005-му. Столь редкое обновление коэффициента Джини не позволяет использовать его для оперативной оценки того, какой из стран больше всего грозит растущее неравенство.

Мой подход к отслеживанию тенденций в отношении неравенства сводится к одному: держать ухо востро, потому что я не знаю, какие именно данные ясно сигнализируют о перемене отношения общества к богатству. Но я внимательно изучаю списки миллиардеров, составляемые *Forbes*, чтобы выявить особые случаи: страны, где размеры и источники крупнейших

состояний с большой вероятностью вызовут недовольство неравенством и задержат рост экономики. Для определения стран, где магнаты забирают себе необычно большую и все увеличивающуюся долю пирога, я сравниваю размеры состояний миллиардеров с размерами экономики. Для определения стран, где магнаты становятся обособленной элитой, я оцениваю долю унаследованного состояния среди миллиардеров. И главное: я слежу за состоянием “плохих миллиардеров” в отраслях, давно ассоциируемых с коррупцией, таких как добыча нефти, полезных ископаемых или рынок недвижимости. Именно появление обособленного класса плохих миллиардеров в традиционно коррумпированных и неэффективных отраслях, вероятнее всего, будет препятствовать развитию экономики и вызовет рост народного негодования – плодородной почвы для процветания популистов. Я также внимательно слушаю, что говорит народ о ведущих магнатах страны, потому что часто именно общественное восприятие неравенства больше, чем реальное состояние дел, формирует политическую реакцию и экономическую политику.

Для скептиков, которые находят вопросы неравенства или способ изучения списка миллиардеров слишком несерьезными, я хочу подчеркнуть, что это исключительно важный знак. Некоторые мировые лидеры по-прежнему готовы прощать такие пороки, как неравенство и лежащую зачастую в его основе коррупцию, как неизменные и неизбежные грехи, свойственные на ранних беспорядочных этапах развития всем странам, в особенности бедным. Но это всего лишь отговорки. В развивающихся обществах неравенство действительно часто бывает сильнее, чем в богатых, но становится все более сомнительным, что проблема неравенства в них исчезнет сама по себе.

Вера в то, что неравенство сглаживается с течением времени, была рабочей гипотезой с 1950-х. Тогда экономист Саймон Кузнец отметил, что неравенство, как правило, обостряется на ранних стадиях развития страны, когда часть бедных фермеров становятся городскими рабочими с более высокими заработками, и сглаживается на более поздних, по мере роста городского среднего класса. Однако сегодня неравенство как будто бы увеличивается на всех стадиях: в бедных странах, странах среднего класса, в богатых странах. Одна из причин растущей угрозы неравенства заключается в том, что период интенсивной глобализации до 2008 года негативно отразился на зарплатах синих воротничков. Стало гораздо проще переводить производство в страны с дешевой рабочей силой, при этом продолжающееся развитие технологий и автоматизация ликвидировали рабочие места, которые ранее помогали многим перейти в средний класс. По мере того как неравенство распространяется по странам, находящимся на всех уровнях развития, становится все важнее постоянно контролировать различия в уровне богатств во всех странах.

Конфликты из-за неравенства возникают не одно десятилетие, но в последнее время перешли в глобальную конфронтацию, захватив широкие слои развитого и развивающегося мира. По всей земле – от Южной Кореи и Швеции до Чили и США – политические лидеры вступили в борьбу с неравенством и начали энергично настаивать на перераспределении. В Вашингтоне прошел марш демократов против неравенства, и даже обычно уравновешенная Джанет Йеллен¹¹, глава Федерального резервного банка, в 2014 году пообещала, что Центральный банк будет служить интересам “Мэйн-стрит, а не Уолл-стрит” (то есть простого человека, а не финансовых воротил).

Нечасто видишь руководителей Центробанка на баррикадах, но обещание Йеллен не учитывает той роли, которую сам Федрезерв играет в бурном появлении миллиардеров по всему миру. Рост неравенства выглядит особенно впечатляюще в отношении размеров состояний, а не доходов, и Федрезерв способствовал созданию состояний на Уолл-стрит, а не на Мэйн-стрит. Для стимуляции роста после кризиса 2008 года Федрезерв закачал в американскую

¹¹ На самом деле глава Федеральной резервной системы США (прим. перев.).

экономику рекордные суммы с помощью нескольких раундов “количественного смягчения”, которые включали покупку облигаций на публичных рынках. Ожидалось, что такие вливания капитала приведут к серьезному восстановлению и росту рабочих мест. Вместо этого в США произошло самое медленное за весь послевоенный период восстановление и беспрецедентный период финансовых спекуляций.

Значительная часть легких денег Федрезерва ушла на покупку акций, роскошных домов и других финансовых активов, а также на финансовый инжиниринг (например, обратный выкуп акций), направленный на дальнейшее повышение стоимости этих активов. Богатели при этом все владельцы акций и облигаций, но поскольку львиная доля этих активов принадлежит самым богатым людям, они богатели быстрее всех. Когда другие Центробанки последовали примеру Федрезерва в отношении легких денег, они тоже способствовали увеличению имущественного неравенства в своих странах. Исследовательский отдел банка *Credit Suisse* в 2014 году провел исследование сорока шести крупнейших стран, в ходе которого выяснилось, что до 2007 года рост неравенства наблюдался только в двенадцати из этих стран, а после 2007 года число таких стран – от Китая и Индии до Великобритании и Италии – выросло до тридцати пяти^[30].

Эксперименты с легкими деньгами начались в 2008 году, и к моменту завершения “количественного смягчения” в 2014 году 1 % самых богатых людей мира увеличил с 44 % до 48 % свою долю в общемировом богатстве, которое выросло до 263 трлн долларов. Исследовательский центр *Pew Research Center* в 2014 году выяснил, что “разрыв в богатстве между американцами с высокими доходами и всеми остальными достиг рекордного уровня со времен великой рецессии 2007–2009 годов”: состояние семей с высокими доходами выросло, а для групп населения со средними и низкими доходами осталось на прежнем уровне^[31]. В 1983 году семьи с высоким доходом были богаче семей со средним доходом в 3,4 раза, и, хотя в последующую четверть века этот разрыв постепенно увеличился до 4,5 раз в 2007-м, к 2013-му он резко вырос до 6,6. Бедные не становились беднее, но состояние богатых и особенно сверхбогатых росло быстрее. У 0,01 % дела шли еще лучше, чем у 1 %: миллиардеры нокаутировали миллионеров. С 2009-го по 2014-й число миллиардеров во всем мире – несмотря на слабую глобальную экономику – выросло с 1011 до 1826. Пиньера в течение этих пяти лет был сосредоточен на своей работе в должности президента Чили, но, по данным *Forbes*, глобальные рынки увеличили его чистый капитал на 400 млн долларов, до 2,6 млрд^[32].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Mark P. Lagon and Arch Puddington, "Democracy Takes a Global Hit," Wall Street Journal, January 27, 2016.

2.

Arthur Miller, "The Year It Came Apart," New York Magazine, December 30, 1974.

3.

Harry Wu, "China's Growth and Productivity Performance Debate Revisited – Accounting for China's Sources of Growth with a New Data Set," The Conference Board, Report no. EPWP1401, February 2014.

4.

Ghada Fayad and Roberto Perrelli, "Growth Surprises and Synchronized Slowdowns in Emerging Markets: An Empirical Investigation," International Monetary Fund, 2014.

5.

Lant Pritchett and Lawrence Summers, "Asiaphoria Meets Regression to the Mean," National Bureau of Economic Research, Working Paper no. 20573, October 2014.

6.

"Goodhart's Law," BusinessDictionary.com.

7.

James Surowiecki, The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies, and Nations (New York: Doubleday, 2004).

8.

Ned Davis, Ned's Insights, November 14, 2014.

9.

"Picking Apart the Productivity Paradox," Goldman Sachs Research, October 5, 2015.

10.

Rick Gladstone, "India Will Be Most Populous Country Sooner Than Thought," New York Times, July 29, 2015.

11.

Charles S. Pearson, On the Cusp: From Population Boom to Bust (New York: Oxford University Press, 2015).

12.

Tristin Hopper, "A History of the Baby Bonus: Tories Now Tout Benefits of Program They Once Axed," National Post, July 13, 2015.

13.

Richard F. Hokenson, "Retiring the Current Model of Retirement," Hokenson Research, March 2004.

14.

Andrew Mason, "Demographic Transition and Demographic Dividends in Developing and Developed Countries," United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures, August 31–September 2, 2005.

15.

"Women, Business, and the Law 2014," World Bank, 2013.

16.

Peter Hessler, "Learning to Speak Lingerie," New Yorker, August 10, 2015.

17.

"Fair Play: More Equal Laws Boost Female Labor Force Participation," International Monetary Fund, 2015.

18.

Jim Yong Kim, "CNBC Excerpts: CNBC's Sara Eisen Speaks with World Bank Group President Jim Yong Kim on CNBC's 'Squawk Alley' Today," transcript of interview by Sara Eisen, CNBC, October 1 2015.

19.

Caglar Ozden and Mathis Warner, "Immigrants versus Natives? Displacement and Job Creation," World Bank, 2014.

20.

BCA Research, "The End of Europe's Welfare State," Weekly Report, June 26, 2015.

21.

Carl Benedikt Frey and Michael Osborne, "The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?" Oxford University Programme on the Impacts of Future Technology, September 17, 2013.

22.

David Rotman, "How Technology Is Destroying Jobs," MIT Technology Review, June 12, 2013.

23.

John Markoff, "The Next Wave," Edge, July 16, 2015.

24.

Fareed Zakaria, *The Post-American World and the Rise of the Rest* (New York: Norton, 2008).

25.

Jonathan Wheatley, "Brazil's Leader Blames White People for Crisis," Financial Times, March 27, 2009.

26.

Global Emerging Markets Equity Team, “Tales from the Emerging World: The Myths of Middle-Class Revolution,” Morgan Stanley Investment Management, July 16, 2013.

27.

“The Quest for Prosperity,” *Economist*, May 15, 2007.

28.

Saeed Naqvi, “A Little Left of Self Interest,” *The Friday Times*, June 26, 2015.

29.

William Easterly, *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor* (New York: Basic Books, 2014).

30.

“Global Wealth Report 2014,” Credit Suisse Research Institute, 2014.

31.

Richard Fry and Rakesh Kochhar, “America’s Wealth Gap between Middle-Income and Upper-Income Families Is Widest on Record,” Pew Research Center, December 17, 2014.

32.

“The World’s Billionaires,” *Forbes*, 2015.